

САНДРО ВЕРОНЕЗИ

КОЛИБРИ

Отрезвляющая и воодушевляющая история о том,
как выстоять, когда *la vita* совсем не *dolce*

Сандро Веронези
Колибри
Серия «Литературные
хиты: Коллекция»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66635192

Колибри: Эксмо; М.; 2022

ISBN 978-5-04-160539-1

Аннотация

У Марко Карреры есть почти сверхъестественная способность: он, точно маленький колибри, способен оставаться совершенно неподвижным, в то время как мир вокруг него неумолимо и стремительно меняется.

Пока судьба будет снова и снова обрушивать на Марко испытания, он каждый раз, с тихим героизмом человека, живущего вопреки, станет находить в себе силы продолжать бой, чтобы сохранить в равновесии собственный шатающийся мир.

«Колибри» – удивительно многогранный роман: душевный и человечный, как книги Бетти Смит, гипнотизирующий и насыщенный, как проза Пола Остера и очень итальянский, как сага Элены Ферранте.

Содержание

Вполне можно сказать (1999)	5
Открытка до востребования (1998)	8
Да или нет (1999)	9
К сожалению (1981)	20
Глаз циклона (1970–1979)	23
Это (1999)	33
Счастливый ребенок (1960–1970)	35
Инвентарная опись (2008)	41
Самолеты (2008)	49
Заколдованная фраза (1983)	57
Последняя ночь невинности (1979)	62
Урания[20] (2008)	68
Господине-е-е-е! (1974)	79
Второе письмо о колибри (2005)	87
Веревочка, маг, три трещины (1992–1995)	88
Несравненные (2008)	103
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Сандро Веронези

Колибри

Джованни – моему брату и сестре

НЕ МОГУ ПРОДОЛЖАТЬ. ПРОДОЛЖУ.

Сэмюэл Беккет

Sandro Veronesi

IL COLIBRI

Copyright © 2019 La nave di Teseo Editore, Milano

© Лукьянчук В., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Вполне можно сказать (1999)

Вполне можно сказать, что римский квартал Триесте является центром этой истории, в которой есть и другие центры. Этот квартал всегда балансировал между фешенебельностью и упадком, роскошью и убожеством, избранностью и посредственностью, и на этом пока довольно: не стоит описывать его детально, поскольку подобное описание может показаться скучным, а скука в начале истории не сулит ничего хорошего. К тому же, чтобы наилучшим образом показать любое место, следует наглядно представить то, что там происходит, а там действительно происходит нечто значительное.

Скажем так: одно из событий, из которых состоит эта история, в которой есть и другие истории, происходит как-то утром в римском квартале Триесте, в середине октября 1999 года, допустим, на пересечении улиц Кьяна и Рено, на втором этаже одного из тех зданий, которые мы здесь не собираемся описывать и где уже случился миллион других событий. Вот только событие, которое должно здесь произойти, – решающее и, вполне можно сказать, потенциально губительное для героя этой истории. На двери его врачебного кабинета написано «Д-р Марко Каррера, окулист-офтальмолог» – эта дверь еще ненадолго отделяет его от самого страшного момента в жизни, богатой и другими страшными моментами. В

кабинете на втором этаже одного из этих зданий в квартале Триесте он выписывает рецепт пожилой пациентке, страдающей воспалением век, «блефаритом обычным» – глазные капли с антибиотиком, применяемые после революционной, можно сказать, инновации, лечения N-ацетилцистеином, который впрыскивается в глаз, что спасло многих его пациентов от самой страшной опасности этого заболевания, а именно от его перехода в хроническую форму. А за стенами кабинета доктора уже поджидает готовая обрушиться на него судьба в лице низкорослого человечка, лысого и бородатого, по имени Даниеле Каррадори, наделенного – и это не преувеличение – магнетическим взглядом, которым тот вскоре вопьется в глаза окулиста, впрыснет в него сперва недоверие, затем растерянность и, наконец, боль, перед которой его наука (офтальмология) окажется бессильной. Это решение человечек уже принял, и оно привело его в приемную доктора, где он сейчас находится, внимательно разглядывая свои ботинки вместо того, чтобы перелистывать страницы новеньких журналов – прошлогодних, но не подверженных тлению, – разложенных на столиках приемной. Не приходится уповать, что он передумает.

Час пробил. Дверь кабинета открывается, пожилая пациентка с блефаритом выходит, поворачивается к доктору, пожимает ему руку, затем направляется к стойке регистраторши, чтобы оплатить визит (120 000 лир), а Каррера, выглянув в приемную, вызывает следующего пациента. Человечек

поднимается и идет ему навстречу, Каррера пожимает ему руку и приглашает сесть. Старинный проигрыватель фирмы «Торенс», давно переживший свое время, хотя четверть века назад считался одним из лучших, установлен на стеллаже вместе с доказавшим свою надежность усилителем «Маранц» и двумя колонками AR6 красного дерева. Негромко звучит мелодия с пластинки Грэма Нэша «Песни для начинающих» 1971 года, странный конверт от которой, стоящий рядом на том же стеллаже с портретом вышеназванного Грэма Нэша с фотоаппаратом в непонятном контексте, является самым ярким пятном в кабинете доктора. Дверь закрывается. Час пробил. Защитная пленка, отделявшая доктора Марко Карреру от самого сильного эмоционального удара в его жизни, в которой он выдерживал и другие серьезные удары, лопнула и канула в вечность.

Помолимся о нем и обо все кораблях, ушедших в море.

Открытка до востребования (1998)

Луизе Латтес

До востребования

59–78, ул. Архивов

75003, Париж

Франция

Рим, 17 апреля 1998 г.

Работаю и думаю о тебе.

М

Да или нет (1999)

- Здравствуйте, я – Даниеле Каррадори.
- Марко Каррера. Очень приятно.
- Вам ничего не говорит мое имя?
- Ничего. А должно?
- Вероятно.
- Вас не затруднит повторить еще раз?
- Даниеле Каррадори.
- Вы психоаналитик моей жены?
- Так точно.
- Простите ради бога. Не думал, что мы когда-нибудь встретимся. Присаживайтесь. Чем могу быть полезен?
- Выслушайте меня, доктор Каррера. И после всего, что я скажу, постарайтесь по возможности не обращаться с жалобой в Коллегию министерства и особенно в Итальянское общество психоаналитиков, что вы с легкостью можете сделать, будучи моим коллегой.
- Жаловаться на вас? С какой стати?
- Видите ли, то, что я собираюсь сделать, в моей профессии категорически запрещено и влечет за собой суровое наказание. Мне никогда бы и в голову не пришло это сделать или даже подумать о таком, но у меня есть все основания полагать, что вы находитесь в серьезной опасности и что я – единственный человек на свете, который об этом знает.

Я решил поставить вас в известность, отдавая себе отчет в том, что тем самым нарушаю одну из главных заповедей моей профессии.

– Да ладно! Слушаю вас.

– Позвольте прежде всего попросить вас о небольшой любезности.

– Выключить музыку?

– Какую музыку?

– Неважно. Так о чем вы хотели попросить?

– Не могли бы вы ответить мне на несколько вопросов?

Просто хочу удостовериться в правдивости того, что слышал о вас и о вашей семье, и исключить факт, что мне навязали искаженную картину. Это очень маловероятно, но все-таки допустимо. Вам понятно?

– Да.

– Я захватил с собой вопросник. Пожалуйста, отвечайте только «да» или «нет».

– Договорились.

– Начинаем?

– Валяйте.

– Вы – доктор Марко Каррера, сорока лет, флорентиец, имеете диплом по общей медицине и хирургии Римского университета Сапьенца, специалист в области офтальмологии?

– Да.

– Вы – сын Летиции Дельвеккьо и Пробо Карреры, оба

архитекторы, оба на пенсии, проживают во Флоренции?

– Да. Только мой отец – инженер.

– А, ну да. Вы – брат Джакомо, который моложе вас на несколько лет, проживает в Америке, и Ирены, утонувшей – приношу соболезнования – в начале восьмидесятых?

– Да.

– Вы женаты на Марине Молитор, словенке, место работы «Люфтганза», занимающейся приемом и наземным обслуживанием пассажиров?

– Да.

– Вы – отец Адели, десяти лет, ученицы пятого класса государственной школы, расположенной у Колизея?

– Школы имени Витторино да Фельтре, да.

– Девочки, которая в возрасте от трех до семи лет думала, что к ее спине привязана веревочка, и это заставило ее родителей обратиться к специалисту по детской психологии?

– К магу Манфротто...

– Как вы сказали?

– Да так, неважно. Это он просил, чтобы дети так его называли. Но проблему веревочки решил не он, хотя Марина убеждена в обратном.

– Понятно. Стало быть, это правда, что вы обращались к специалисту по детской психологии?

– Да, но только не вижу связи...

– Однако вы понимаете, почему я задаю вам все эти вопросы? У меня ведь только один источник информации, и я

обязан проверить его надежность в связи с тем, что собираюсь вам сообщить.

– Ясно. Так что же вы собираетесь мне сообщить?

– Если не возражаете, сначала еще пара вопросов. Они более интимные, поэтому попрошу отвечать с предельной искренностью. Согласны?

– Да.

– Вы играете в азартные игры?

– Давно забросил.

– Но можно смело утверждать, что раньше вы играли в азартные игры?

– Да. Было дело.

– Правда ли, что до четырнадцати лет вы отставали в росте и были настолько ниже своих сверстников, что мать даже прозвала вас *Колибри*?

– Да.

– Когда вам было четырнадцать, отец отвез вас в Милан на экспериментальное лечение гормонами, в результате которого вы достигли нормального роста, вымахав меньше чем за год почти на шестнадцать сантиметров?

– Точнее, за восемь месяцев. Да.

– Правда ли, что ваша мать была против, то есть хотела, чтобы вы оставались крохой, а решение лечить вас в Милане было первым и последним авторитарным поступком вашего отца при исполнении своих родительских обязанностей, поскольку в вашей семье, простите за выражение, цитирую до-

словно, «он – совершенно пустое место»?

– Неправда, но учитывая, кто это сказал, да. Марина всегда была уверена, что это так.

– Что именно неправда, что ваша мать была против или что ваш отец – пустое место?

– Неправда состоит в том, что отец – не пустое место, хотя такое о нем складывается впечатление у всех, и в первую очередь у Марины. Она и мой отец – это два настолько разных характера, что зачастую кажется...

– Не будем пускаться в пространные объяснения, доктор Каррера. Отвечайте односложно, да или нет, договорились?

– Хорошо.

– Правда ли, что вы всегда были влюблены и поддерживаете многолетнюю связь с некой Луизой Латтес, в настоящее время проживающей в...

– Что? Откуда вам известно?

– Догадайтесь.

– Да вы что! Исключено. Марина не могла вам сказать, что...

– Пожалуйста, отвечайте только да или нет. И постарайтесь быть откровенным, я ведь должен проверить надежность своего источника. Итак, вы по-прежнему влюблены в нее или у вашей жены только сложилось такое впечатление, что вы влюблены в эту Луизу Латтес, да или нет?

– Нет, конечно!

– Значит, вы не встречаетесь с ней тайно во время науч-

ных конференций во Франции, Бельгии, Голландии и других местах неподалеку от Парижа, где проживает Луиза? И в Больгери¹ тоже, где проводите август, проживая в соседних домах?

– Послушайте, это смешно! Мы видимся летом на пляже с детьми, разговариваем, но никогда не помышляли «поддерживать связь», как вы изволили выразиться, и тем более тайно встречаться во время моих научных поездок.

– Я вам не судья. Мне лишь необходимо выяснить, правда или нет то, что мне о вас рассказали. Значит, это неправда и вы не встречаетесь с этой женщиной тайно?

– Да, неправда.

– И вы не допускаете, что ваша жена убеждена в обратном, хотя это неправда?

– Естественно, не допускаю! Они даже сдружились. Ездят верхом, то есть, я хочу сказать, только они вдвоем: оставляют детей на мужей и целое утро разъезжают по окрестностям.

– Это ничего не доказывает. Можно сдружиться с человеком и видеться с ним каждый день просто потому, что ревнуешь к нему.

– Согласен, но только это не наш случай. Марина не ис-

¹ *Больгери* – приморский городок на Этрусском побережье Лигурийского моря в Тоскане, между Ливорно и Пизой. Название происходит от племени булгар, союзников лангобардов в их нашествиях на Римскую империю. Воспет поэтом Джозуэ Кардуччи в знаменитой оде «Святой Гуидо». Его именем назван близлежащий административный центр Кастаньетто-Кардуччи. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

пытывает ревности ни к кому, я ей верен, и она прекрасно об этом знает. А теперь, будьте добры, скажите, почему вы решили, будто мне что-то грозит?

– Значит, вы не состоите в многолетней переписке с Луизой Латтес?

– Нет.

– Ни одного любовного письма?

– Уверяю вас, что нет.

– Вы честны со мной, доктор Каррера?

– А как же!

– Спрашиваю еще раз: вы честны со мной?

– Разумеется, да. Но не могли бы вы сказать мне...

– Тогда я вынужден извиниться. Вопреки моим твердым убеждениям – действительно твердым, иначе я бы сюда не пришел, – ваша жена не была со мной откровенна, поэтому вам больше ничего не угрожает, как мне думалось раньше, а посему не смею больше докучать своим присутствием. Забудьте о моем визите, и заклиная: никому ни слова.

– Эй! Вы куда собрались?

– Еще раз прошу меня простить, я допустил серьезную ошибку в критериях оценки. Счастливо оставаться. Не провожайте, я знаю, где выход.

– Ну нет! Вы приходите сюда и заявляете, что я нахожусь в серьезной опасности по какой-то неведомой причине, о которой узнали от моей супруги, устраиваете мне экзамен как третьекласснику и собираетесь уйти, ничего не сказав? Нет,

позвольте, или вы сейчас же выложите все начистоту, или я подам на вас жалобу!

– Успокойтесь, пожалуйста! Правда заключается в том, что я не должен был к вам приходить, точка, конец предложения. Я всегда считал, что могу доверять рассказам вашей жены о ней самой и о вас, и составил точное представление о ее болезни на том основании, что я ей верил. Руководствуясь своими представлениями и ввиду складывающейся ситуации, я считал, что обязан действовать, преступив границы, установленные для моей профессии, а сейчас вы мне говорите, будто ваша жена никогда не говорила мне правду при обсуждении основного вопроса. Но если она не была откровенна в этом, значит, лгала и во многом другом, включая и то, что заставило меня подумать, будто вы находитесь в серьезной опасности. Но повторяю: это – моя ошибка, за которую снова прошу меня извинить. Просто с тех пор как ваша жена прекратила сеансы, я стал задаваться вопросом...

– Каким? Моя жена прекратила сеансы?

– Да.

– Как давно?

– Больше месяца назад.

– Вы шутите.

– Вы разве не знали?

– Откуда мне было знать?

– Она была у меня последний раз... Шестнадцатого сентября.

– А мне говорит, что по-прежнему ходит к вам по вторникам и четвергам, к трем пятнадцати, как обычно, поэтому в эти дни я должен забирать Адель из школы. Сегодня, кстати, после обеда я тоже еду за ребенком.

– То, что она вам лжет, меня нисколько не удивляет, доктор Каррера. Вопрос в том, что она солгала и мне.

– Да ладно вам, подумаешь, соврала по одному вопросу, но разве вранье пациентов для вас не важнее правды, разве не оно выявляет истину, которую скрывают от вас больные?

– Для кого это – «для вас»?

– Для вас, психоаналитиков. Ведь у вас все идет в ход – и правда, и ложь, и все прочее, не так ли?

– С чего вы это взяли?

– Ну слышал кое-что о психоаналитиках. О психоанализе. А разве не так? Я с младенчества окружен людьми, которые не могли и дня прожить без психоанализа, короче говоря, я всегда слышал от них, что сеттинг, трансферт, сны, вранье – все имеет значение, поскольку содержит правду, которую пациент скрывает от своего аналитика. Или я неправ? В чем сейчас проблема? В том, что Марина что-то выдумала?

– Нет, если эта Луиза Латтес – всего лишь ее выдумка, это многое меняет, и теперь опасность подстерегает вашу супругу.

– Почему? Какая опасность?

– Простите, но, к сожалению, обсуждать с вами эту тему мне кажется не совсем уместным. Заклинаю, не говорите же-

не, что я заглядывал к вам.

– Как я могу отпустить вас после всего, что вы тут наговорили? Я требую, чтобы вы немедленно, сейчас же...

– Не пытайтесь, доктор Каррера. Если хотите, можете жаловаться на меня в коллегия: я заслужил это, имея в виду нарушение, которое совершил. Но вы никогда не заставите меня сказать то, что...

– Послушайте, это не ее выдумка.

– Что вы сказали?

– То, что Марина рассказала вам о Луизе Латтес, – чистая правда. Мы действительно видимся и переписываемся. Только это не «связь» и не «супружеская измена»: тому, что существует между нами, трудно дать определение, и я не понимаю, как Марина могла об этом узнать.

– Вы по-прежнему в нее влюблены?

– Послушайте, вопрос не в этом. Вопрос в том...

– Простите, но я настаиваю: вы по-прежнему в нее влюблены?

– Да.

– Вы виделись с ней в июне в Лованио?

– Да, но...

– В одном из писем двухлетней давности вы писали ей, что вам нравится, как она с разбега прыгает в волны?

– Да, но как, черт возьми...

– Вы дали обет целомудрия, то есть поклялись не заниматься сексом, несмотря на то, что вам обоим этого хочется?

– Да, но ей-богу, откуда Марине все это известно? И почему вы мне не говорите прямо, что происходит? На кону стоит наш брак, судьба ребенка.

– Мне жаль, доктор Каррера, но брак ваш уже распался. И ребенок, который вскоре появится на свет, будет не от вас.

К сожалению (1981)

Луизе Латтес
ул. Фруза, 14
50131 Флоренция

Большери, 11 сентября 1981 г.

Луиза, дорогая моя Луиза!

Впрочем, увы, не моя, а просто Луиза (Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, твое имя стучит в моей голове молоточками, и я не знаю, что сделать, чтобы они умолкли): ты говоришь, я сбежал. Верно, но после всего случившегося и охватившего меня чувства вины все эти долгие, невероятные дни я был никем – ни собой и никем другим. Я как будто впал в транс, думал, это я виноват в том, что случилось, поскольку в то время, когда это случилось, я был рядом с тобой и был счастлив. И я по-прежнему так думаю.

Здесь говорят, что это была божья воля либо перст судьбы, знаешь, все эти бредни, я до смерти поругался с Джакомо, свалил всю вину на него, не могу видеть родителей. Мне достаточно знать, где они находятся, чтобы держаться подальше от них. Даже если я сбежал, дорогая моя Луиза, Впрочем, к сожалению, не моя, а просто Луиза (Лу-

иза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, имя
твое стучит в голове молоточками, и я не знаю, что сде-
лать, чтобы они умолкли), то выбрал неправильный путь,
наподобие тех фазанов, которых я видел, когда тушил лес-
ные пожары, – в ужасе перед огнем они взлетают и, не раз-
бирая пути, несутся в сторону горящего леса, не удаляют-
ся от огня, а приближаются к нему и гибнут. Я не заме-
тил, что сбежал, Луиза: было много неприятных безотла-
гательных дел, и потом эта комедия с Монтекки и Капу-
летти, из-за которой нельзя было перелезть даже через за-
бор (но я был растерт в порошок, такое вполне возможно,
Луиза, не отрицаю, Луиза, Луиза, Луиза), и я не перелез че-
рез него и даже с тобой не попрощался.

Сейчас я здесь один в буквальном смысле слова, все разъ-
ехались, заявив, что ноги их здесь больше не будет, дом про-
дадут, на пляж не пойдут, забудут о летнем отдыхе; вы
тоже уехали, я перелезаю туда-обратно через забор, и ме-
ня никто не видит, хожу на пляж, за дюны, к Мулинелли²,
и вокруг ни души, надо бы начать учебу, но я даже не по-
мышляю об этом, я думаю о тебе, думаю об Ирене, о сча-
стье и отчаянии, обрушившихся на меня одновременно в од-
ном и том же месте и в один и тот же час, и мне не хочет-
ся расставаться ни с тем ни с другим, мне нужны оба, я
боюсь потерять их, потерять эту боль, потерять это сча-
стье, потерять тебя, Луиза, точно так же, как потерял

² Mulinelli – букв.: маленькие мельницы (ит.).

сестру, может, я тебя уже потерял, раз ты пишешь, что я сбежал, и, к сожалению, это правда, я сбежал, но не от тебя, я лишь выбрал неправильный путь, как те фазаны, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, умоляю тебя, ты едва родилась, не умирай, пожалуйста, хотя бы ты, и даже если я сбежал, жди меня, прости меня, обними меня, поцелуй меня, письмо не закончено, закончилась бумага.

Марко.

Глаз циклона (1970–1979)

Дуччо Киллири был парень высокий и нескладный, но со спортивными задатками, хоть и не настолько значительными, как думалось его отцу. Черноволосый, с лошадиной улыбкой и настолько худой, что всегда казалось, будто видишь его в профиль, он пользовался дурной славой человека, наводящего порчу. Никто не рассказывал, когда и при каких обстоятельствах впервые об этом заговорили, и потому каждый считал, что «дурной глаз» был у него всегда, как и неизвестно когда придуманное прозвище – Неназываемый, – хотя в детстве у него имелась другая кличка: тогда его окрестили Близард, так называлась марка лыж, на которых он выступал на соревнованиях и подавал надежды в Тосканско-Эмилианских Апеннинах в возрастной группе «дошкольников», а в дальнейшем «учеников» и «кандидатов». На самом деле, как у всего, у этой молвы есть свое начало, и оно относилось как раз к отборочному состязанию по гигантскому слалому на межзональные турниры, состоявшемуся на горнолыжной базе «Зум-Зери – Проход двух святых». Дуччо Киллири пришел вторым после первого спуска в своей возрастной категории, уступив мелкому чемпиону из Модены по имени Тавелла. Погодные условия были плохие, и, хотя дул сильный ветер, трассу заволокло туманом, судейская бригада даже рассматривала вопрос о прекращении чемпи-

оната. Потом ветер стих и был объявлен второй спуск, когда туман не только не рассеялся, а еще больше сгустился. В ожидании старта отец Дуччо и по совместительству его тренер разогревал ему мышцы ног и одновременно впаривал, убеждая не дрожать, жать и жать до конца, до последнего вздоха, чтобы обогнать этого Тавеллу, и, когда он уже стоял на старте, готовый прыгнуть в молочную мглу, а отец его продолжал орать, что он сможет выиграть, стать победителем, сделать этого Тавеллу, Дуччо Киллери во всеуслышание произнес: «Все равно он упадет и даже получит травму». К финишу он пришел первым, с лучшим пока результатом, а после него должен был появиться Тавелла. Никто толком не видел, как это произошло, до того непроницаемой была туманная мгла, но незадолго до замера промежуточного результата, на повороте к финишной прямой, раздался душераздирающий крик, долетевший с трассы, а когда подбежали судьи, Тавелла лежал без сознания. Обломок лыжной палки впился ему в бедро – тогда еще пользовались деревянными палками, которые иногда ломались, – и сверкавшее инеем кровавое пятно расплзлось в молочно-белой пелене тумана и снега. Казалось, его подстрелили индейцы. Паренек не умер от потери крови, поскольку палка, поранившая мышцу, вошла в тело, не задев бедренную артерию, но это была самая серьезная травма за всю историю той горнолыжной базы, и о ней рассказывали впоследствии из сезона в сезон, приводя слова, которые сказал Дуччо Киллери, выйдя на старт.

Так с раннего отрочества началась его слава человека с дурным глазом, внезапно и необратимо. Никто, даже в ретроспективе, не потрудился подумать, что по-английски слово blizzard значит «ураган» и что это практически с самого детства рисовало его кармическую картину, которую впоследствии еще точнее очертило его новое прозвище. И никто тем более не решился предложить гипотезу, что его фамилия, довольно редкая в Италии и встречающаяся только в отдельных местах Тосканы, возможно происходит (что очень соответствует его случаю) от английского слова killer³: но он все равно бы ошибся, поскольку истоки этой фамилии следует, вероятнее всего, искать в ее более распространенной форме с переменной согласной – Киллеми, происходящей из Ломбардии в ее родовитой части, но сильно укорененной среди сицилийского плебса, или, быть может, это как-то связано с итальянскими эмигрантами из древнего французского виконтства Чиллер. Все это говорится к тому, чтобы дать представление об абсолютном отсутствии вдумчивого подхода к открывшемуся в Дуччо феномену сглаза и какого бы то ни было желания разобраться в явлениях, которыми он сопровождался. У него дурной глаз, и точка, что тут еще скажешь?

В переходный период от Урагана к Неназываемому круг друзей, завоеванных спортивной славой, сузился, и к шестнадцати годам его единственным другом во всей Флорен-

³ Убийца (*англ.*).

ции остался только Марко Каррера. Они были приятелями, сидели за одной партой в начальной и средней школе, вместе играли в теннис в Флорентийском ТК⁴, вместе занимались горными лыжами, пока Марко не прекратил участвовать в соревнованиях, и, хотя учились потом в разных лицах, продолжали видеться каждый день и без тренировок, в основном чтобы послушать американские группы преимущественно с западного побережья – Eagles, Crosby Stills Nash & Young, Poco, Grateful Dead – их объединяла любовь к этой музыке. Но главным, *главным*, что скрепило их дружбу, стала внезапно накатившая страсть к азартным играм. По правде говоря, она была в крови Дуччо Киллери; Марко ограничился тем, что разделил страсть друга и наслаждался вместе с ним небывалым чувством свободы, или, точнее, освобождения, вызванного этим крутым поворотом в их судьбах. Действительно, в родословных обоих не наблюдалось следов демона этой страсти, даже в самых дальних их ответвлениях, в самые отдаленные времена: никакого двоюродного дедушки, спустившего состояние на игре в баккара в салонах фашистской аристократии, никакого капитала, скопленного в девятнадцатом веке и спущенного в мгновение ока по вине прадедушки в инвалидной коляске, которого здорово потрепала Первая мировая война. Они попросту открыли для себя игру. Дуччо в большей степени пользовался ею как отмычкой от своей «золотой клетки» (так тогда говорили), в кото-

⁴ ТК – теннисный клуб.

рую его посадили родители, и перспектива промотать их состояние в игорных домах и казино привлекала его настолько, насколько их в свое время привлекла перспектива накопить его торговлей в магазинах готовой одежды. Но ему было пятнадцать, шестнадцать, семнадцать – что можно промотать в этом возрасте? И хотя карманных денег в неделю он получал немало (примерно вдвое больше, чем Марко), смешно было думать, что эта мелочь оставит хоть малейшую царапину на семейном благополучии: самое большее, в худшие дни он брал займы какую-то сумму в музыкальном магазине «Мондо диско» на улице Конти, где они с Марко заговаривались импортными пластинками, – через несколько недель он возвращал долг самостоятельно, не выпрашивая денег у родителей.

Дело в том, что Дуччо часто выигрывал. Он был смекалистый малый. В играх в покер с друзьями не было спортивного азарта (невинные партии субботними вечерами, где можно было выиграть максимум двадцать тысяч лир), и поэтому вскоре, с учетом репутации, превратившей его в Неназываемого, он был изгнан из компании. Марко оставили, и какое-то время тот продолжал играть и тоже выигрывал, пока сам не бросил, чтобы последовать за другом по профессиональной стезе. Сперва это были скачки. Будучи несовершеннолетним, Дуччо Киллери не мог попасть в подпольные тотализаторы и тем более в казино, но на ипподроме Ле-Молины⁵

⁵ *Ле-Молина* – район города Фьезоле в 4 км от Флоренции, в котором проживает

не требовали документов. Он был талантлив во всем, заранее все просчитывал. И вот он начинает прогуливать уроки, проводит каждое утро на ипподроме, наблюдает за выездкой верховых лошадей в компании старых берейторов, обучавших его секретам царства скачек. А вот рядом с ним и Марко, на утренних тренировках, в манеже после обеда или на вечерних бегах в Ле-Молине, где они ставят на облюбованных лошадей или на тех, которым, как им шепнули, обеспечена победа в групповых заездах. И друзья снова выигрывали – больше, чем проигрывали.

Но в отличие от Марко, не забросившего ни друзей, ни спорт, ни девушек и не посвящавшего родителей в свои увлечения – он дорожил открывавшимися перед ним возможностями блестящей жизни, которую все ему предрекали, – Дуччо Киллери воспользовался игрой, чтобы оборвать связи со своим буржуазным будущим. Вначале он сильно обиделся, что его прозвали Неназываемым, но в дальнейшем обернул ситуацию в свою пользу. Несмотря на то что друзья избегали его как чумы, он каждый божий день виделся с ними в школе, а поскольку Флоренция – не Лос-Анджелес, сталкивался с ними то в центре города, то в кинотеатрах, то в барах. Скоро он понял, что любое его высказывание обладает магической силой анафемы, и, поскольку со всеми время от времени происходит что-то неладное, его замечания типа «Ты в хорошей форме» или «Какой-то ты невеселый» оказыва-

лись в равной степени убийственными для его собеседника, сражая того наповал в мгновение ока. Пусть это покажется невероятным, но парни и девушки конца семидесятых годов XX века верили, что Дуччо Киллери мог их сглазить. Не верил, естественно, только Марко, которому задавали один и тот же вопрос: «Ну как ты можешь с ним водиться?» Но и ответ, естественно, всегда был один и тот же: «Потому что он мой друг».

И все же, хотя Марко никогда бы не сознался, были две другие, не столь невинные причины, по которым он общался с Дуччо Киллери. Одной, как мы сказали, была игра: с Дуччо он испытывал невероятный выброс адреналина, выигрывал деньги и открывал для себя потаенный мир, который ни его утонченная мама, ни покладистый отец, ни сестра – сестра Ирена, старше его на четыре года, вся в своих личных проблемах, ни младший брат Джакомо, умиравший от детской ревности, – не могли себе даже представить. Другой причиной был откровенный нарциссизм: ему прощали дружбу с парией, в нем ценили интеллигентность, прекрасный характер и щедрость – какой бы ни была причина, Марко, не опасаясь негативных последствий, мог выступить против диктата стаи, и он любовался собой в зеркале этой власти. Более того, говоря по правде, существовали только две эти причины, по которым в последующие годы он продолжал общаться с Дуччо Киллери, все остальные, на которых выросла их дружба, мало-помалу отмирали. Действительно,

Дуччо очень изменился, а так как Марко только тогда стал что-то понимать в жизненных переменах, – ему показалось, что в худшую сторону. Физически Дуччо сделался малопривлекательным: когда он говорил, в уголках рта у него собирались сгустки белой слюны; в сальных, черных как смоль волосах появилась перхоть; он редко вставал под душ, и от него несло немытым телом. Постепенно он перестал интересоваться музыкой: Англия в то время возродилась – The Clash, The Cure, Graham Parker & The Rumour и сверкающий мир Элвиса Костелло, – но ему все это уже было до фонаря, он не покупал дисков и не слушал кассет, которые ему записывал Марко. Перестал читать книги и газеты, кроме «Скачек и жокеев». В его речи появились старомодные словечки и выражения, совершенно чуждые его поколению: «потрясающий и обильный», «окей-хоккей», «часто и охотно», «мораль сей басни такова», «всякая всячина», «в этом смысле», «непременно». На девушек он не засматривался, все, что ему было нужно, получал от проституток в парке Кашиной.

Нет, Марко его по-прежнему любил, но теперь общаться с Дуччо по-дружески было трудно, и не потому, что тот пользовался дурной славой Неназываемого. Напротив, уверенный в своей безнаказанности, Марко упорно сражался с этой славой, иногда поистине героически, особенно в присутствии девушки, которая ему нравилась: вы все чокнулись, говорил он, как вы можете в это верить. А когда ему оглашали список всех искалеченных и погибших в местах появле-

ния Дуччо Киллери, он повторял свое обвинение и с гневом выдвигал окончательный довод: о господи, да посмотрите на меня. Я с ним общаюсь. Ничего дурного со мной не происходит. Вы общаетесь со мной – с вами тоже ничего не происходит. Так о чем мы говорим?

Однако переубедить друзей было невозможно, и поэтому в поддержку доводов Марко возникла теория глаза циклона. Она гласила: подобно тому, как нельзя испытать губительных последствий, оказавшись в центре циклона, разрушающего города и села, точно так же, если войти в тесный контакт с Неназываемым, как в случае с Марко, риск гибели сводится к нулю; однако шаг в сторону – случайно с ним пересечься, подбросить его на машине, издалека увидеть, как он машет рукой, – и конец городам и селам, по которым проносятся эти циклоны. Это решало все: давало возможность приятелям Марко посмеиваться и в то же время серьезно верить в силу сглаза Барона Самди⁶ (еще одно прозвище Дуччо Киллери, наряду с Лоа, Бокор, Мефисто и Ипсо⁷), а самому Марко – общаться с ними и порицать их за суеверие.

⁶ *Барон Самди́*, или Барон Суббота – в религии вуду одна из форм Барона, то есть лоа, связанного со смертью, мертвыми. Имя его во время ритуалов не называют.

⁷ *Лоа* – невидимые духи вуду, посредники между Богом и человеком. Наделены огромной силой и почти неограниченными возможностями. *Бокор* – черный колдун в религии вуду, превращающий людей в зомби. *Мефисто* – суперзлодей из комиксов «Марвел». *Ипсо* – слово из выражения *ipso facto* – как неизбежный результат (лат.).

Это было единственное возможное равновесие. Теория глаза циклона.

Это (1999)

*Марко Каррере
с/о Аделино Вьесполи
ул. Каталани, 21
00199 Рим
Италия*

Париж, 16.12.1999

Наконец-то оно пришло, мама родная, пришло, никто не видел. Наглое донельзя, Марко, как всегда не знаю, что ответить.

Ты верно пишешь, что я несчастна, но послушай, в этом никто не виноват, вся проблема во мне. Впрочем, я ошибаюсь, я должна была сказать не проблема, а «это».

Я родилась с «этим», мыкаюсь с ним тридцать лет, и это ни от кого, кроме меня, не зависит, ведь если ты не рождаешься дрянью, то, значит, рождаешься с «этим».

Что еще сказать? Отвечу, да, сейчас тебе может представиться случай проверить, правда ли то, о чем ты думаешь и пишешь, для этого не надо быть богатым красавцем. Ты сейчас кристально чист, не испытываешь чувства вины, можешь начать все с нуля, можешь даже совершить ошибку, если очень захочешь, но потом ты ее исправишь и

вернешься в исходную точку.

А я, Марко, не могу, у меня другая ситуация, я, конечно, вольна ее изменить, но тогда я определенно рехнусь. Я знаю, ты меня понимаешь, ты такой же, как я, ты и любишь как я, нам обоим до ужаса страшно приносить страдания близким.

*Я думаю, что ты лучшая часть моей жизни, жизни без обманов, без подлости, без лжи (ты **сейчас** позвонил, и теперь я теряюсь), та ее часть, о которой можно только мечтать, даже по ночам, по ночам ты мне часто снишься.*

Останется ли это сном? Или все сбудется? Или хоть что-нибудь сбудется? Я сижу и терпеливо жду, ничегошеньки не хочется делать, пусть все происходит само по себе. Знаю, эта позиция выведенного яйца не стоит, потому что со мной ничего никогда не происходит, но решений по этому поводу я сейчас принимать не могу.

За все эти годы у меня выработалась привычка ничего не предпринимать, может, для того, чтобы это сбылось. Что «это»? Понятия не имею. Кажется, я начинаю бредить, поэтому закругляюсь.

Луиза.

Счастливым ребенком (1960–1970)

Будучи ребенком, Марко Каррера ничего не заметил. Не заметил разногласий между матерью и отцом, ее враждебную непримиримость, его нестерпимое молчание целыми днями, их ночные скандалы приглушенными голосами, чтобы не услышали дети, но его сестра Ирена, старше его на четыре года, внимательно прислушивалась и удерживала каждое слово в своей маленькой мазохистской головке; он не заметил ни причин их разлада, ни причин непримиримости и скандалов, столь понятных его сестре, то есть он не заметил, что его родители, несмотря на то что оба были *дйгасинй*⁸ (мать, Летиция⁹, – имя-антифраза¹⁰ – была уроженкой Салентины¹¹ в Апулии, отец, Пробо¹² – *помен-омен*¹³ – был выходцем из Сондрио¹⁴), не были созданы друг для дру-

⁸ Букв.: вырванные с корнем; зд.: пришлые, некоренные (*фр.*).

⁹ *Letizia* – букв.: веселая (*ит.*).

¹⁰ *Антифраза* – риторическая фигура, употребление слов в смысле, противоположном их значению.

¹¹ *Салентина* – город в Апулии на юге Италии, «каблук» итальянского «сапога».

¹² *Probus* – человек высоких моральных принципов, доблестный, виртуозный, «высшей пробы» (*лат.*).

¹³ Имя суть человек (*лат.*).

¹⁴ *Сондрио* – город в Ломбардии, на севере Италии, в одноименной альпийской провинции.

га, между ними не было ничего общего, мало того, двух более разных людей свет белый не видывал: она – архитектор, вся исполненная революционными мыслями, он – инженер, весь в расчетах и кропотливой работе руками, она поглощена головокружительными идеями радикальной архитектуры, он увлечен созданием масштабных макетов, лучший мастер в Центральной Италии, – и поэтому Марко не заметил, что под ватным одеялом благополучия, в котором воспитывались дети, родительский брак распался и порождал только досаду, взаимные упреки, провокации, унижения, чувства вины, обиды, смирение, – иными словами, он не заметил, что его родители не любили друг друга, в общепринятом понимании слова «любить», предполагающем взаимность; да, в их брачном союзе прослеживалась и любовь, но она была как дорога с односторонним движением по направлению к матери, исхоженная его отцом, а значит, это была горькая, собачья, героическая, непоколебимая, неизъяснимая, саморазрушительная любовь, которую его мать никогда не могла ни принять, ни разделить, но от которой в то же время не могла отказаться, поскольку было понятно, что ни один мужчина на свете не мог бы ее так полюбить. И это стало злокачественной опухолью с метастазами, разъедавшими их семью изнутри, обрекавшими ее на несчастье, в котором Марко Каррера вырос, ничего не заметив. Нет, он ничего не заметил, хотя несчастье так и сочилось из стен их дома. Он не заметил, что в этих стенах не было секса. Не заметил, что ли-

хорадочные занятия матери: архитектура, дизайн, фотография, йога, психоанализ, были поисками точки равновесия, и что эти занятия включали даже измены отцу, на редкость неуклюжие, с любовниками-интеллектуалами, которые в те годы, возможно, последний раз в истории, поднимали Флоренцию на мировой уровень, этакие «пастухи чудовищ» из «Суперстудии»¹⁵ и студии «Архизум»¹⁶, их последователи, к которым она себя относилась, хотя была старше их, но происходила из достаточно состоятельной семьи, чтобы позволить себе проводить время, поддерживая молодых кумиров, не зарабатывая при этом ни лиры. Нет, он не заметил, что отец был осведомлен о ее изменах. В детстве Марко Каррера ничего подобного не заметил, и только поэтому его детство оказалось счастливым. Более того, в отличие от сестры, он не сомневался в своих родителях, и, в отличие от нее, он не понял, что они не являются идеальными личностями, и поэтому воспринимал обоих как образец для подражания, выхватывая что-то из уродливой мешанины личностных качеств то одного, то другой – тех самых качеств, которые в

¹⁵ «Суперстудия» – основана во Флоренции в 1966 г. выпускниками архитектурного факультета, выдвинувшими идею «радикальной архитектуры». «Пастухи чудовищ» – выражение встречается в программном тексте «Суперстудии»: «Утопия, антиутопия, топия» (1974).

¹⁶ «Архизум» – архитектурно-дизайнерская группа, основанная в 1966 г. во Флоренции. Исходя из тезиса, что «миф архитектуры как пространственного строения» устарел, члены группы предлагали освободиться от традиционного представления об архитектурных строениях и выдвинули идею «бесконечно развивающегося города».

их стремлении сжиться показали полную несовместимость. Что он взял от матери в детстве, до того, как что-то заметил? И что от отца? И от чего потом отказался, когда ему стало все про них понятно? От матери он взял беспокойство, но не радикализм; любознательность, но не тоску по переменам. От отца – терпение, но не предусмотрительность; склонность смиряться, но не молчать. От нее – талант все подмечать, особенно через глазок фотоаппарата; от него – страсть что-то делать своими руками. Помимо того, непреодолимая дистанция между родителями незамедлительно сокращалась, когда речь заходила о покупке новых вещей, и тот факт, что он вырос в этом доме (то есть сидел от рождения на этих стульях, засыпал в этих креслах и на этих диванах, ел за этими столами, занимался под этими настольными лампами в окружении сборных стеллажей и так далее), наделил его неоправданно заносчивым чувством превосходства, свойственным буржуазным семьям шестидесятых-семидесятых годов, сознанием, что живет он если не в лучшем из миров, то наверняка в самом красивом, – доказательством этого преимущества были вещи, накопленные его родителями. По этой причине, а вовсе не из чувства ностальгии – даже когда он заметил, что в семье у них нелады, даже когда семьи уже практически не было, – Марко Каррера с трудом расставался с вещами, среди которых прошла их жизнь: они были красивыми, остаются красивыми и будут вечно красивыми, – и эта красота была тем плевком, который надежно склеивал его

мать с его отцом. После их смерти он даже займется инвентаризацией вещей, тщательно пересматривая предмет за предметом, с ужасом думая о перспективе их продажи (о необходимости «избавиться» сказал ему по телефону брат, заявивший, что и не подумает возвращаться в Италию) вместе с домом на площади Савонаролы, но, как окажется в результате, не избавится от них до конца своих дней.

С другой стороны, идеальный порядок, в котором отец сохранил свои вещи – правда, надо заметить, не требуя подобного от других, но все равно абсолютный, пугающий и в конечном счете садистский, – сделал из Марко человека, пренебрегавшего своим внешним видом, тогда как мать несла ответственность за то, что он стал непримиримым противником психоанализа, а ведь именно учение Фрейда сыграет решающую роль в его отношениях с женщинами, поскольку судьба распорядится, чтобы всеми женщинами в его жизни, начиная с матери и сестры и заканчивая подругами, невестами, коллегами, женами, дочерьми, каждой из них и всеми вместе заправляли различные школы психотерапии, дав ему как сыну, брату, другу, жениху, коллеге, мужу и отцу доказательство правоты его ранней догадки, а именно что «пассивный анализ», как он его называл, чрезвычайно опасен. Но ни одну из его многочисленных женщин это не волновало, даже когда он принимался роптать. Ему отвечали, что любая семья, любой тип отношений представляют опасность для человека; считать, что психоанализ более вреден, чем,

предположим, шахматы, – предвзятость. Возможно, они были правы, но цена, которую Марко Каррера заплатил, постоянно сталкиваясь с этой опасностью, давала ему право думать по-своему: психоанализ подобен курению – мало не курить самому, надо спастись и от курильщиков. Вот только единственный способ спасения от психоанализа – просто отправиться к психоаналитику, но тут Марко не собирался сдаваться.

Впрочем, ему не понадобился психоаналитик, чтобы задать самому себе пару дельных вопросов: почему при таком количестве женщин в мире, которым не нужен психоанализ, сам он был привязан исключительно к женщинам, которые не могли без него обойтись? И почему свою теорию пассивного психоанализа он предпочитал излагать именно им, а не тем особам, которым не нужен психоанализ и у которых его мог ожидать легко предсказуемый успех?

Инвентарная опись (2008)

Кому: Джакомо – jackcarr62@yahoo.com

Отправлено – Gmail – 19 сентября 2008 г. 16.39

Тема: Инвентаризация, площадь Савонаролы

От: Марко Карреры

Привет, Джакомо!

Я упорно тебе пишу, а ты упорно не отвечаешь. Хочу сообщить о проделанной работе по продаже дома на площади Савонаролы, и в данном случае твои игры в молчанку меня не колышут. У меня хорошие новости, по моей просьбе приходил Пьеро Браки (Помнишь его? Хозяин магазина «СТУДИЯ В», где в последние двадцать лет мы купили всю нашу мебель), ему уже далеко за семьдесят, но он до сих пор торгует, управляет сайтом аукционов, специализирующимся на дизайнерской мебели шестидесятых-семидесятых годов, я вызвал его примерно оценить вещи, хранящиеся в доме. Как я и предполагал, многие из них представляют большую ценность, и в результате получилась впечатляющая сумма, поскольку, даже с учетом известных событий, приведших к краху семьи и опустошению дома, речь идет о вещах, находящихся за редким исключением в прекрасном состоянии.

Браки говорит, такие, как наши, экспонируются в МоМА¹⁷. Поэтому надо решить, что с ними делать, ведь если продавать их вместе с домом, нам дополнительно ничего не обломится. Можем отдать их Браки, он потихоньку распродаст все у себя на сайте, а еще можем поделить по принципу: кому что нравится – кому что дорого. Прошу тебя отнестись к этому серьезно, Джакомо, речь не о деньгах, а о том, что осталось от прежней жизни, от нашей несуществующей семьи, в которой мы с тобой как-никак прожили больше двадцати лет, и пусть все случилось так, как случилось, я не вижу причин, по которым от них нужно «избавляться», как ты сказал мне по телефону, когда в последний раз соизволил ответить, ругаясь на чем свет стоит и посылая все к чертовой матери. Короче, если даже Браки опешил, когда увидел наши прекрасные вещи, которые сам же нам продал, мне трудно поверить, чтобы у тебя не было собственного мнения насчет их дальнейшей участи. Гарантирую, что разногласий не будет, разделим, как ты захочешь, от тебя нужно только согласие, что разбазаривать мы их не будем. Вещи, Джакомо, ни в чем не виноваты.

Ладно, в приложении высылаю инвентарную опись с оценочной стоимостью, которую составил Браки. В ней все по делу, без лишних слов, именно такой я и хотел ее видеть, однако даже Браки помнит об этих предметах множество

¹⁷ The Museum of Modern Art – один из крупнейших в мире музеев современного искусства, расположенный в Нью-Йорке.

мельчайших подробностей – что для кого было куплено, что в какой комнате стояло, ну и так далее.

Инвентарь и оценочная стоимость предметов мебели в доме на площади Савонаролы:

кол-во 2 диваны двухместные «Куклы», металл, обивка серая, кожа, полиуретан, дизайн Марио Беллини, производитель B&B, 1972 (20 000 €)

кол-во 4 кресла «Аманта», стекловолокно, обивка черная, кожа, дизайн Марио Беллини, производитель B&B, 1966 (4400 €)*

кол-во 1 кресло «Зельда», дерево, окраска под палисандр, обивка кожа натурального цвета, дизайн Серджо Асти, Серджо Фавр, производитель Poltronova, 1962 (2200 €)

кол-во 1 кресло «Сориана», сталь, кожа, цвет темно-каштановый, окраска анилиновая, дизайн Тобия и Аффа Скарпа, производитель Cassina, 1970 (4000 €)

кол-во 1 кресло «Мешок», полистирол, кожа, цвет темно-каштановый, дизайн Гатти, Паолини и Теодоро, производитель Zanotta, 1969 (450 €)*

кол-во 1 кресло Woodline, дерево гнутое, обивка черная, кожа, дизайн Марко Дзанузо, производитель Arflex, 1965 (1000 €)

кол-во 1 кофейный столик «Аманта», черное стекловолокно, дизайн Марио Беллини, производитель B&B, 1966 (450 €)

кол-во 1 журнальный столик «748», тик светло-каштановый, дизайн Ико Паризи, производитель

Cassina, 1961 (1100 €)

кол-во 1 журнальный столик «Дмитрий-70»,
пластмасса, цвет темно-оранжевый, дизайн Вико
Маджистретти, производитель Artemide, 1966 (150 €)

кол-во 1 столик «Ротонда», вишня, хрусталь, дизайн
Марио Беллини, производитель Cassina, 1976 (4000 €)

кол-во 1 сборный стеллаж «Додона-300», черный
пластик, дизайн Эрнесто Джизмонди, производитель
Artemide, 1970 (4500 €)

кол-во 2 сборные стеллажи «Серджесто», белый
пластик, дизайн Серджо Моцца, производитель
Artemide, 1973 (1500 €)

кол-во 1 люстра OLook, алюминий, дизайн
Superstudio, производитель Poltronova, 1967 (4400 €)

кол-во 1 настольная лампа «Пассифлора»,
органическое стекло, цвет желто-опаловый, дизайн
Superstudio, производитель Poltronova, 1968 (1900 €)

кол-во 1 настольная лампа «Санфо», алюминий,
цвет серебристо-стеклянный, дизайн Анджело
Манджаротти, производитель Artemide, 1967 (1650 €)

кол-во 1 настольная лампа «Баобаб», пластмасса
белая, дизайн Харви Гуццини, производитель Guzzini,
1971 (525 €)

кол-во 1 настольная лампа «Эклипс»,
металлическая, цвет красный, дизайн Вико
Маджистретти, производитель Artemide, 1967 (125 €)

кол-во 1 настольная лампа Gherpe, пластинки из
красного оргстекла и хромированной стали, дизайн
Superstudio, производитель Poltronova, 1967 (4000 €)

кол-во 1 настольная лампа «Полухимера», белое оргстекло, дизайн Вико Маджистретти, производитель Artemide, 1970 (450 €)

кол-во 3 потолочные лампы «Скобки», металл и пластмасса, дизайн Акилле Кастильони и Пио Манцу, производитель Flos, 1971 (750 €)

кол-во 12 плафоны и бра «Фетида», белая пластмасса, дизайн Вико Маджистретти, производитель Artemide, 1974 (1000 €)

кол-во 1 ночник для чтения Nebi, металл и белая гофрированная пластмасса, дизайн Исао Хосое, производитель Valenti, 1972 (350 €)

кол-во 3 настольные лампы «Телегон», красная пластмасса, дизайн Вико Маджистретти, производитель Artemide 1968 (1800 €)

кол-во 3 письменные столы Graphis, дерево и белый лакированный металл, дизайн Освальд Борсани, производитель Теспо, с выдвижными ящиками, 1968 (3000 €)

кол-во 1 стол TL 58, ламинированный ДСП и орех, дизайн Марко Дзанусо, производитель Carlo Poggi, 1979 (8500 €)

кол-во 3 настенные контейнеры Uten.Silo 1, красная, зеленая, желтая пластмасса, дизайн Дороти Бекер, производитель Ingo Maurer, 1965 (1800 €)

кол-во 4 канцелярские тумбы на колесиках Voby, полипропилен, акрилонитрил-бутадиен-стирол, белый, зеленый, красный, желтый, дизайн Джо Коломбо, производитель Bieffeplast, 1970 (1000 €)

кол-во 7 стулья на колесиках Modus, металл, пластмасса, цвета разные, дизайн Освальдо Борсани, производитель Тесно, 1973 (700 €)

кол-во 4 офисные стулья, хромированная сталь и кожа, дизайн Джованни Карини, производитель Planula, 1967 (800 €)

кол-во 7 стулья Pliа, алюминий и прозрачный плексиглас, дизайн Джанкарло Пиретти, производитель Castelli, 1967 (1050 €)

кол-во 4 стулья Loop, ивовые, плетеные, Франция, 1960-е гг. (1200 €)

кол-во 4 стулья «Селена», бежевый полиэстер, дизайн Вико Маджистретти, производитель Artemide, 1969 (600 €)

кол-во 4 стулья Basket*, сталь и светлый ратанг, дизайн Франко Кампо и Карло Граффи, производитель Nottе, 1956 (1000 €)

кол-во 1 стул «Василий. Модель В3», кожа, цвет спелого каштана, хромированная сталь, дизайн Марсель Брейер, производитель Gavina, 1963 (1800 €)

кол-во 1 чертежный прибор на пружинах, дерево, металлические рейки, дизайн инженера М. Сакки, производитель Ing. M. Sacchi srl, 1922 (4500 €)

кол-во 2 ночные столики, винтаж, тик, цвет спелого каштана, дизайн Аксель Кьерсгаард, производитель Kjersgaard, 1956 (1200 €)

кол-во 1 вешалка «Шанхай», натуральный бук, дизайн Де Пас, Д'Урбино еи Ломацци, производитель Zanotta, 1974 (400 €)

кол-во 1 корзина для зонтов «Дедал», темно-оранжевая, пластмасса, дизайн Эмма Джизмонди-Швейнбергер, производитель Artemide, 1966 (300 €)

кол-во 1 пишущая машинка Valentine, металл, красный пластик, дизайн Этторе Соттсасс и Перри А. Кинг, производитель Olivetti, 1968 (500 €)

кол-во 3 телефонные аппараты «Сверчок», дизайн Марко Дзанузо и Ричард Сиппер, производитель Siemens, 1965 (210 €)

кол-во 1 радио Cibo ts522, хромированная сталь, пластик красный, дизайн Марко Дзанузо и Ричард Сиппер, производитель Brionvega, 1966 (360 €)

кол-во 1 стереоустановка Hi-Fi Totem*, дизайн Марко Беллини, производитель Brionvega, 1970 (700 €)

кол-во 2 радиоприемник FD1102 п. 5, дизайн Марко Дзанузо, производитель Brionvega, 1969 (300 €)

кол-во 1 проигрыватель RR126 MidCentury*, с усилителем и колонками, бакелит, светлое дерево, плексиглас, дизайн Пьер Джакомо е Акиле Кастильони, производитель Brionvega, 1967 (2000 €)

кол-во 1 плеер Penny, производитель Musicalsound, 1975 (180 €)

Предметы, помеченные значком *, оценены в половину их стоимости, поскольку сломаны или находятся в плохом состоянии.

Общая оценочная стоимость: 92 800 €.

Джакомо, ты это понимаешь? Это дом-музей. Честно, напиши мне, что ты думаешь делать, и я поступлю, как ты скажешь. Только, бога ради, не говори, что от всего этого нужно избавиться.

Кстати, ты, надеюсь, помнишь, что мы оба виноваты в появлении этих «звездочек» – так по-дурацки сломали тогда проигрыватель...

Обнимаю.

Марко.

Самолеты (2008)

В 1959 году, в год его рождения, объем воздушных пассажирских перевозок превысил объем морских. Этой информацией Марко Каррера владел с пеленок, потому что его отец повторял это снова и снова, несмотря на то что ребенок его возраста еще не улавливал смысла. Это было эпохальным событием, по мнению отца, большого любителя научной фантастики, которая предрекала будущее в небесах, а не на море или на суше. Как бывает со всем, что запомнилось с малолетства, Марко Каррера недооценил важность этой информации и заархивировал ее среди прочих безобидных идефиксов своего покойного отца, не усмотрев в ней семени, из которого произрастет его кармическая вязь. А между тем...

А между тем самолеты и вообще все, что связано с воздухоплаванием, самым решительным образом повлияли на его карму. Марко, мягко говоря, проворонил массу микро- и макроскопических возможностей, позволявших это увидеть, и неожиданно-негаданно вспомнил об этом в сорок один год, обычным утром, какие бывают только в Риме. Он сидел на деревянном ограждении, окружавшем пинии на улице Монте-Каприно, и читал чудовищные обвинения, которые Марина, теперь уже бывшая его жена, накатала в умопомрачительном заявлении о разводе. Она подала на него в

суд. Нет, ты только подумай, одно из красивейших мест в мире, то есть так называемый Гранароне при Дворце Каффарелли (красивый не благодаря архитектурным достоинствам, которых у него попросту нет, а по своему доминирующему положению на всем юго-западном склоне Капитолийского холма, простирающегося до Тибра, а это, считай, вся территория, на которой находятся обломки храма Януса, Юноны Спасительницы, Аполлона Созиана, Святого Гомобоно и портик республиканского периода на форуме Олиторium, помимо базилики Сан-Никола-ин-Карчере и Тарпейской скалы, сохранившихся полностью, и уцелевшего на три четверти Театра Марцелла; в темный период истории тут все было заброшено, это место стало пастбищем для коз и поэтому было переименовано в Козью гору; в конце Чинквеченто – шестнадцатого века – оно было облагорожено строительством Дворца Каффарелли на самой вершине Капитолия, предпринятым носившей эту фамилию семьей из старинного римского рода; в середине девятнадцатого века было приобретено в собственность вместе с дворцом и дворовыми постройками, включая вышеназванный Гранароне, пруссаками, которые возвели здесь и другие строения, тут разместился Германский археологический институт; в дальнейшем, в 1918 году, в результате распада Прусской империи дворец был приобретен в собственность римским муниципалитетом), и в те годы там размещались Капитолийская коллегия адвокатов, а также отдел гражданского суда,

где хранятся судебные постановления, которые в нотариально заверенной копии выдаются на руки заинтересованным лицам. То есть все лица, на которых были поданы жалобы, заявления или в отношении которых были предприняты судебные действия, все должны были идти за бумагами именно сюда, в Гранароне. После чего – по-человечески это можно понять, – едва выйдя из здания, они не любовались красотой места, а торопились поскорее вскрыть конверты, чтобы тут же ознакомиться с содержанием документа, прислонившись к дереву, или присев на корточки, или, как в то утро Марко Каррера, – на деревянное ограждение. Рядом с ним трое таких же несчастных: юный автомеханик в рабочем комбинезоне, хорошо одетый мужчина, даже не успевший снять мотоциклетный шлем, и грязный амбал с седыми волосами – все были поглощены изучением врученных им документов, один из которых – документ юного механика – был точно того же свойства и содержания, что и документ, полученный только что Марко, поскольку читая его, парень громко вскрикивал («Ни фиги себе! Вот это номер! Сука!»), угрожая, казалось, как следует врезать дрожавшему в его руке листку бумаги. Тем не менее его агрессивность носила скорее защитный, а не наступательный характер, выражение лица было в большей степени испуганным, чем сердитым, точь-в-точь такое же вскоре появится у Марко. Потому что в то дивное утро, в тех удивительных декорациях, пропитанных историей и красотой, после томительных месяцев ожидания

он, читая заявление о разводе, узнал, с какой дикой ненавистью и при помощи каких низкопробных средств его бывшая жена решила от него избавиться.

Отказавшись от плана А, провалившегося из-за инициативы ее психотерапевта, который в нарушение врачебной тайны рассказал Марко о вынашиваемых ею замыслах, Марина стала склоняться к плану В, конечно, не столь кровавому, но от которого все равно веяло злобой и намерением причинить невыносимую боль: в требовании о разводе Марко предъявлялись все мыслимые и немыслимые обвинения, какие только можно выдвинуть против отца и мужа – все, разумеется, ложные, но как бы там ни было, теперь, прежде чем обвинить ее в свою очередь во внебрачной беременности, благополучно завершившейся, кстати сказать, в уходе из дома, в похищении дочери, с которой она запрещает ему нормально общаться, не говоря уже о прочих осуществленных ею кознях (на план А не приходилось даже рассчитывать помимо всего потому, что психоаналитик ни за что не согласится дать показания на процессе); прежде чем обвинить ее во всем этом, как говорилось выше, он должен будет доказать суду несостоятельность предъявленных ему обвинений в применении физического и психологического насилия, в незаконном лишении свободы, в телесных наказаниях и надругательстве над дочерью, в многолетней супружеской измене, в угрозе вырезать всю ее словенскую родню, в неисполнении супружеского долга, уклонении от уплаты на-

логов, нарушении строительного закона – короче, во всем. Надо повторить, что все это – ложь (это она, Марина, уклонялась от уплаты налогов, Марко ее только прикрывал, а нарушения строительных норм были делом столетней давности, когда его родители расширили летний дом в Больгери, ну да, втихаря, в обход закона, и было это тем убийственным летом, когда не стало его сестры Ирены, то есть в 1981 году, двадцать лет назад, за семь лет до того, как он познакомился с Мариной), и все пересыпано скверными анекдотами, как и прочее – ложными (теми самыми деталями, в которых якобы скрывается дьявол), за исключением единственного эпизода, действительно имевшего место, – незначительного в контексте ее фантастических бредней, но подлинного и приведенного там специально, чтобы напомнить ему, что хотя он и стал жертвой ее неоправданных обвинений, он все равно не безгрешен. Эпизод имел место, когда Адель еще лежала в колыбельке, значит, десять лет назад. Летом. И как раз в Больгери. Тогда он похоронил этот случай в памяти, но очевидно, ничто не было забыто, поскольку сейчас, в документах, события воскресли во всей своей беспощадной реальности.

Июль.

Перед закатом.

Полутень.

Морской бриз колышет шторы.

Неумолчно стрекочут цикады.

Они с Мариной прикорнули в своей комнате (той самой, построенной в 1981 году с нарушением закона). Рядом, со стороны Марины, колыбелька, где спит ребенок.

Свежие простыни, свежая наволочка, свежий запах младенца.

Мир и покой.

И вдруг тишину разрывает рев. Что-то оглушительное, протяжное, устрашающее, пугающее, апокалиптическое. Очнувшись от полудремы, на волнах которой он качался минуту назад, Марко вскакивает, дрожит, жадно хватается ртом воздух, оказавшись за дверью комнаты и прижимаясь к стволу пинии. В горле перехватило, сердце скачет от избытка адреналина. В этом состоянии он находится пять, может, десять секунд, после чего понимает, что происходит, и в то же время осознает: он выбежал из комнаты, в которой находились жена и дочь. Марко быстро возвращается, обнимает Марину, которая, проснувшись от испуга, сидит на кровати и дрожит, просит ее успокоиться, объясняет, что это был за грохот, в то время как дочка, к счастью, блаженно спит у себя в кроватке. Пять секунд, может, десять.

Как говорилось, Марко Каррера похоронил это воспоминание в памяти, но в то римское утро оно всплыло перед его мысленным взором, ясно и точно, плод чужой памяти, единственный подлинный эпизод в грязном потоке лжи, извергнутой на него с целью выставить его как самого недостойного из мужчин. В обвинении, которое ему предъявляла жена,

указывалось: он «подло бросил меня и ребенка, выскочил из дома один, почуяв опасность, в данном случае рев военного самолета, преодолевавшего звуковой барьер прямо у нас над головой, то есть событие не бог весть какое страшное, но что, если бы нам действительно грозила опасность?»

И это была правда.

Разумеется, в заявлении о разводе не говорилось, что в ту минуту в нем сработал рефлекс, что он отсутствовал всего каких-нибудь пять или десять – да хотя бы даже пятнадцать – секунд; напротив, ее слова весьма прозрачно намекали, что бегство мужа было продуманным актом и продолжалось ровно столько, сколько ему понадобилось, чтобы укрыться от неминуемой опасности, бросив на произвол судьбы жену и дочь. Разумеется, это не соответствовало действительности. В заявлении о разводе даже не упоминалось, о чем он думал в те несколько секунд полной растерянности перед тем, как снова стать отцом и мужем. Она не объясняла, куда и в каком направлении устремились его мысли в той пелене безотчетного страха – единственная истинная его вина среди многочисленных прочих, выдуманных Мариной, о которой она даже знать не могла, но которая пробуждалась вместе с воспоминанием, вытесненным по ее вине из его памяти.

Вот тогда-то Марко Каррера понял, что та отцовская мысль о связи самолетов с годом рождения сына была в действительности настоящим пророчеством: он не подумал об этом, ни когда избежал гибели в самолете, ни когда женился

на стюардессе, считая, что и она избежала той же опасности; он по-настоящему осознал это только сейчас, оказавшись виновным в одном из ста предъявленных ему обвинений, – не столько его бегство, когда военный истребитель с расположенной поблизости базы в Гроссето преодолевал звуковой барьер прямо над их головой, сколько то, о чем он думал в те несколько секунд, обезумев от страха, жадно хватая ртом воздух, прислонившись к пинии и с тоскою глядя на увитый жасмином забор, отделявший его от соседского участка. Попробуем сосчитать до десяти: Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза...

Заколдованная фраза (1983)

Марко Каррере
площадь Савонаролы, 12
50132 Флоренция
Италия

Париж, 15 марта 1983 г.

Привет, Марко!

Представляю, как ты теряешься в догадках, от кого это письмо из Парижа, напечатанное на машинке, включая адрес на конверте. Ты, наверное, уже посмотрел на подпись или на адрес отправителя, но там я поставила только инициалы; но, может, тебе подсказала интуиция (этот вариант я бы предпочла), и ты мгновенно догадался, что это письмо от меня. Да, как бы там ни было, это я. Пишу тебе из Парижа, Марко, на пишущей машинке моего отца. Да, это я, бесследно пропавшая с тех пор, как мы сюда переехали.

Как поживаю? Чем занимаюсь? Учусь. Мне очень нравится место, куда я хожу на занятия. Ну, и т. д. и т. п. Я пишу не для этого.

Я часто думаю о тебе. Ты единственный итальянец, по-

сеищающий мои мысли, не считая еще одного парня, которого я тоже не могу выбросить из головы. О нем я думаю в плохие минуты, а о тебе – в самые лучшие. Не только как сегодня, когда я напяливаю твой красный свитер. Постоянно думаю о тебе в такси, о том, как в полдник тебе нравилось ездить за горячими фокаччини, но ты боялся столкнуться там со своей матерью в окружении поклонников. Думаю о тебе в такси, когда навеселе возвращаюсь поздно ночью с вечеринки, и чувствую себя именно так, как ты сказал однажды, застав меня в пьяном виде: «Кто весел, а кто и нос повесил».

Я ни разу в жизни не ездила на такси во Флоренции, там я никогда ими не пользовалась. Даже не представляла, как восхитительно ездить на такси по ночному Парижу. Они останавливаются на ходу, стоит только махнуть рукой, стоя на тротуаре, прямо как в кино. Знать не знала, что такое такси. Я, например, усвоила, что если маячок с надписью *Taxi Parisien* оранжевый, значит, оно занято, а если белый – свободно. И я тебе клянусь, если он белый, стоит махнуть рукой, и такси останавливается. Потрясающе. Но ты, конечно, все про это знаешь. И когда я забираюсь внутрь, называю таксисту адрес, а машина медленно трогается и скользит по освещенному асфальту пустынных улиц и площадей, я все сильнее чувствую, как то, что я делала до этого вечером, начинает медленно рассеиваться: рассеиваются лица парней, с которыми танцевала, пила

и курила, рассеиваются банальности, все исчезает, и я чувствую себя как в раю. В такие минуты я думаю о тебе. Чувствую, что все лишнее отпадает, и думаю, если меня избавить от всего лишнего, нелишним останешься только ты.

Но думать о тебе нелегко. Особенно после того, что случилось. Мне не хватает точек опоры, мало образов, оставшихся в памяти. Я всегда замыкаюсь на одном и том же, твоём, когда ты сидишь на диване в нашем доме в Больгери, с плеером и в наушниках, отгородившись от мира, в то время как мы с друзьями едим равиоли. То ли это час такой, то ли это такси, но воспоминание кажется мне бесподобным.

А иногда я вижу тебя во сне.

Ты приснился мне сегодня ночью, поэтому я и пишу, нарушая, даже не зная зачем, обещание, которое сама у тебя вырвала, что большие писать ты мне не будешь. Ты – мне.

Сон был сказочный, чистый и светлый, жаль, что я проснулась в самый интересный момент. Я запомнила его очень четко, потому что потом не могла заснуть, лежала и часами обдумывала этот сон. Я как будто лежу в гамаке на мексиканском патио под огромным потолочным вентилятором, который вертится медленно-медленно, а ты примостился на краешке гамака, весь в белом, и раскачиваешь меня. Мы с тобой играем в какую-то странную игру и как-то странно смеемся, мне трудно объяснить. Ты требовал, чтобы я произнесла какую-то заколдованную фразу, я пробовала, но не смогла. Фраза была очень странная, я

ее записала, проснувшись: «Сто бенедиктинцев принесли нам гостинцев, бенедиктинцы скуповаты, принесли маловато». Ручаюсь, фраза была слово в слово такая. А я все никак не могла ее повторить, постоянно ошибалась, и чем больше я ошибалась, тем сильнее мы смеялись, и чем сильнее мы смеялись, тем больше я ошибалась. Наконец, для того, чтобы ты понял, до чего это было смешно, ты сам попытался ее повторить и тоже не сумел. Потом на мексиканском патио появляется твой отец, как всегда, сдержанный и немногословный, и мы просим его произнести эту фразу, он попробовал и тоже сбился. Не передать, как мы с тобой хохотали, а потом расхохотался и он, пробуя и снова ошибаясь. Не получалось, как он ни старался, иногда говорил: «Сто францисканцев...» или «...принесли померанцев...» И впрямь какая-то заколдованная фраза, мы втроем умирали со смеху. Потом я проснулась. Сон трудно пересказать на бумаге – выглядит глупо, но я тебя уверяю, что это не так. И, главное, мы с тобой никого не стеснялись. Даже в присутствии твоего отца. Все текло как по маслу. Сон, что еще скажешь.

Я встала в сонном дурмане и отправилась на гимнастику (я хожу на гимнастику), и неожиданно стала свидетельницей незабываемой картины: в лучах солнца падал снег. Клянусь. Под Триумфальной аркой опускались огромные, тяжелые хлопья мокрого снега, а за Нотр-Дамом светило солнце и небо было голубым. Это был уже не сон, а явь. Как и это

сумасбродное письмо, я прекрасно понимаю. Впрочем, ладно. Надеюсь, я тебя не озадачила, не заставила мучиться над «неразрешимостью» проблем. (Мне пришло сейчас в голову, что последний раз я тебя видела в спортивном зале, целую вечность назад. Меня смутило твое появление.) Поэтому мне важно о тебе думать, когда я еду в такси, и по возможности, как сегодня, видеть тебя во сне. Между прочим, видеть тебя во сне означает, что я сплю. Знаешь, мне осточертели моя бессонница и тот парень, который не выходит у меня из головы. Обнимаю, если ты не против.

Луиза.

Последняя ночь невинности (1979)

К двадцати годам Марко Каррера и Дуччо Киллери стали ездить в казино за границу – в Австрию в основном и в Югославию, – но долгие путешествия на машине, которые Дуччо тщательно прорабатывал, планируя остановки в борделях и ресторанах, Марко порядочно надоели. Не говоря уже о том, что сидеть впрытк в течение десяти-двенадцати часов в клетке «Фиата Х 1/9», машины его друга, становилось просто невыносимо, Марко чувствовал необходимость перехода на более высокий профессиональный уровень, без гусарских бравад и проституток, чтобы сосредоточиться на оптимизации итогов игры. Но на самом деле, как мы уже говорили, дружеских чувств, которые испытывал к нему Неназываемый с его неукротимым желанием проводить вместе время, вместе покуролесить, Марко больше не разделял: у него сохранилось только желание переступить порог казино в компании своего незаурядного друга, знатока систем игры в рулетку, вдохновенного экстрасенса за столом для крэпса¹⁸, человека, наделенного звериным чутьем в блэк-джеке. Поэтому однажды он взял инициативу в свои руки и решил, что на сей раз они отправятся на самолете, несмотря на то что Дуччо смертельно боялся летать. Марко понадобилось целых че-

¹⁸ *Крэпс* – настольная азартная игра в кости, появилась в Америке в XVIII в.

тыре вечера, чтобы преодолеть его предубеждение против *железных птиц*, прибегая к тем же рациональным, антисуеверным аргументам, которые (и это уже было слишком) он использовал в борьбе с предрассудками друзей, веривших в силу сглаза Дуччо Киллери. Наконец Марко его уговорил, и в один благоухающий майский полдень друзья оказались в пизанском аэропорту, впереди была перспектива длинного уик-энда в казино Любляны, куда в прошлом году они ездили на машине и сорвали изрядный куш. На самом деле длинным должен был оказаться и перелет, поскольку Марко где-то раскопал супердешевый чартерный рейс югославской авиакомпании «Копер Авиопромет», которая по каким-то соображениям располовинила прямой перелет между Пизой и Любляной с непонятной посадкой в Ларнаке (на Кипре). Из-за этого абсурда время в пути увеличивалось в четыре раза, но каким-то таинственным образом сокращалась в обратной пропорции цена билетов.

При посадке на самолет Дуччо Киллери очень нервничал. Марко впихнул в него две таблетки транквилизатора, позаимствованные у сестры, большой поклонницы психотропных средств, но они не уменьшили паники его друга. Когда они устроились на своих местах, Дуччо стал подавать признаки нетерпения, рассматривая продавленные кресла и подголовники – признаки, по его мнению, плохой авиакомпании, но в состояние ужаса его привели люди, продолжавшие входить в салон самолета. Страшные люди, повторял он, все

меченые. Ты посмотри на них, твердил он, они похожи на мертвецов; ты посмотри на этого, взгляни на того – это же портреты из газетных некрологов. Марко умолял приятеля расслабиться и ни о чем не думать, но тревога Неназываемого возрастала с каждой минутой.

Люди продолжали подниматься на борт самолета, и вдруг Дуччо вскакивает и как заорет: есть ли среди входящих какая-нибудь знаменитость – футболист, актер, персона VIP – из тех, кому ни разу не улыбнулась жизнь? Пассажиры, с трудом пробиравшиеся к своим местам, посмотрели на него с недоумением, а кто-то даже спросил, на кого он окрысился. На вас, отвечал Дуччо Киллери, потому что вы все покойники и хотите моей гибели. Марко схватил его за плечи, усадил, попробовал успокоить, с нежностью обнял, хотя его воротило от запаха фастфуда, которым пропитался пиджак его друга, и в то же время пытался успокоить опешивших и нервничавших пассажиров, говоря им, что это все пустяки, сейчас пройдет. Дуччо согласно кивал: конечно, мы все тут подохнем, а так – сущие пустяки. Уткнувшись лицом в ладони, он бубнил что-то себе под нос и чуть ли не плакал, но под бдительным оком Марко перестал терроризировать пассажиров и, кажется, понемногу утих. Но когда в салоне самолета появился отряд бойскаутов, ситуация вышла из-под контроля. Дуччо Киллери восстал: нет! Только не это! Бойскауты – ни за что! Он выскочил в проход и перегородил путь первому, шедшему во главе отряда, здоровому волоса-

тому детине, выглядевшему невероятно нелепо в форме начальника патруля: вы куда это собрались? Здоровяк опешил и, решив, что это стюард, предъявил свой посадочный талон. Валите отсюда, немедленно! Брысь! Марко вскочил, чтобы его утихомирить, но не тут-то было, Дуччо потерял над собой контроль: скрутил главу перепуганных насмерть бойскаутов и стал толкать его к выходу. Убийцы, орал он, валите отсюда! А когда пассажиры начали реагировать и посыпались оскорбления и тумак, Марко Каррера понял, что их уик-энд в Любляне накрылся медным тазом. Выдав себя за доктора – он был на втором курсе медицинского факультета, и это было видно за тысячу миль, – Марко диагностировал у своего приятеля эпилептический приступ «второго типа» (выдумал на ходу) и потребовал у экипажа открыть дверь и выпустить их из самолета. Бортпроводницы не могли поверить своему счастью – они избавлялись от оглашенного. Таким образом, вынув свои чемоданы из багажного отделения самолета прямо на летном поле (в те годы управление воздушной гаванью Пизы оставляло желать лучшего), Марко и Дуччо вернулись в терминал, пока самолет выруливал на взлетную полосу. Едва ступив на землю, Дуччо Киллери внезапно утих, впад в необъяснимую эйфорию человека, словно вернувшегося с того света. Марко, напротив, пришел в ярость, но, не желая еще раз выставить себя на посмеище, старался сдерживать эмоции и глухо молчал. И без того хмурый, он мрачнел на глазах, пока вел машину, желая поскорее вер-

нуться во Флоренцию и избавиться от Дуччо; и в то же время он кипел от гнева и сгорал со стыда, ведь сбежал, как воришка, в страхе, что известие об их выходке распространится за пределы самолета, в салоне которого инцидент, собственно, был исчерпан; короче, пока он ехал по автострате, контуры происшедшего впервые отчетливо стали вырисовываться перед его глазами, как если бы они вырисовались перед кем угодно. Что же случилось в том самолете? Всего лишь то, что его друг Дуччо Киллери в приступе панической атаки сорвал хорошо организованный уик-энд. *Всего лишь* – это для Марко. А как отнеслись бы к произошедшему те, кто знал Дуччо, стань они свидетелями подобного? Что же такого невообразимого и ужасающего натворил Неназываемый в самолете?

Достаточно было Марку представить себя на месте любого их друга, как он будто получил удар под дых, от которого долго не мог оправиться. И потом всю ночь, когда он уже выгрузил Дуччо перед его домом, даже не попрощавшись, выдав благовидное объяснение родителям о перемене планов на уик-энд, Марко ворочался в постели, и перед его глазами проносились незнакомые лица людей, которые могли стать их попутчиками, тех, кто был предоставлен своей судьбе в том югославском самолете. Он вспоминал несчастных, невесть куда летевших бойскаутов, стюардесс со славянской внешностью и густым макияжем, наивно вздыхавших с облегчением, когда они с Дуччо сходили по трапу после той клоунады, вместо того, чтобы следуя теории глаза циклона,

сомкнуться в плотную цепь и не позволить им покинуть самолет...

Пока Марко Каррера ворочался в кровати, потел и не мог уснуть и, менее того, насладиться ароматом жасмина *gypsospermum*, долетавшим из приоткрытого окна, над морем северного побережья Кипра трагедия уже свершилась и себя исчерпала, но он еще об этом не знал: самолет «DC-9-30» авиакомпании «Копер Авиопромет», заходя на посадку в Ларнаку, был поглощен волнами Киликийского моря; люди, о которых Марко думал со смешанным чувством тревоги и грусти, были уже мертвы; воспоминание о фатве¹⁹, решении неведомой высшей силы, которое огласил Неназываемый, навсегда было исчерпано ее же последствиями, и он был единственным человеком на свете, который владел этой информацией.

Еще не зная ничего о трагедии, Марко Каррера в конце концов уснул – поздно, в тревоге и волнении, но все же уснул, – и в жизни, богатой на последние ночи, эта была последняя ночь его невинности.

¹⁹ *Фатва* (араб. фетва, фатуа) – в исламе судебное решение по какому-либо вопросу, которое выносит муфтий.

Уrania²⁰ (2008)

Кому: Джакомо – jackcarr62@yahoo.com

Отправлено – Gmail – 17 октября 2008 г. 23:39

Тема: Романы Урации

От: Марко Карреры

Привет, Джакомо!

Хотел поговорить с тобой о (почти) полном папином собрании книг из серии «Урация». У этой коллекции, несмотря на отсутствие нескольких книг, тоже очень высокая антикварная стоимость, учитывая то, как он их хранил, обрачивал каждую в веленевую бумагу, поэтому ты не поверишь, что даже спустя полвека или даже больше они в потрясающем состоянии. Но я не об этом хотел с тобой говорить. Из-за того, что, как мне думается, эти книги должны принадлежать тебе, по причинам, о которых ниже, и поскольку они не занимают много места, я могу держать их у се-

²⁰ «Урация», или «Романы Урации» – серия научно-фантастических романов, которая выходит в итальянском издательстве «Мондадори» с 1952 г., самая продолжительная в истории книгопечатания. До № 766 (1979 г.) книги в основном выходили раз в две недели, их тиражи достигали 100 тыс. экз. Сейчас издается ежемесячно в мягкой обложке. В серии впервые на итальянском языке появились романы Азимова, Дика, Балларда, Ле Гуин и многих других зарубежных фантастов.

бя, но продавать ни за что не буду, если ты все же не захочешь их взять. Теперь что касается самих книг. Собрание начинается с № 1 и заканчивается № 899, то есть с 1952 по 1981 год, в нем не хватает всего пяти томов, и вот по каким причинам:

№ 20. Айзек Азимов. «Камешек в небе». 20 июля 1953 г.

Странно – тебе не кажется? – что, купив первые девятнадцать книг серии, наш папа, которому тогда было двадцать семь, недавний выпускник университета, мог забыть приобрести именно этот, двадцатый том, по отзывам, одну из лучших книг его любимого автора. Между тем он все-таки его купил, потому что в книжном шкафу в его кабинете, где всегда стояла «Урания» (в инвентарной описи Браки за прошлый месяц этот книжный шкаф обозначен как «сборный стеллаж Серджесто», ты наверняка его помнишь, поскольку точно такой же стоял и до сих пор стоит в твоей комнате, заваленный комиксами, в основном о твоём любимом Тексе Уиллере), так вот, в книжном шкафу, где всегда находились книги «Урании», между предыдущим номером 19, «Прелюдия к космосу» Артура Кларка, и следующим за ним номером 21 «Террор над миром» Джимми Гие, я обнаружил записку, на которой его рукой написано: «Дал почитать А.» и дата: «19 апреля 1970 г.». Под «А», ты наверняка со мной согласишься, имеется в виду Альдо

Мансутти, или Альдино, как папа его называл, ты его помнишь, он погиб в той дикой катастрофе на мотоцикле, о которой дома столько говорили и которая настроила родителей против покупки нам скутера. Помню, как мы ходили на похороны этого Альдино, я тогда учился, наверное, уже в пятом классе, ну или только пошел в шестой, значит, это было где-то в 1970 году. Дело могло обстоять следующим образом: папа дал почитать этому Альдино книгу Азимова, положил на ее место записку, чтобы не забыть, – он очень дорожил своим собранием, но вскоре после этого Альдино погиб, и отец, разумеется, не посмел попросить у вдовы вернуть ему книжку – Титти, ты ее помнишь, Титти Мансутти, древнейшая старушенция, я с ней на днях встречался по другому поводу, но об этом позже. Тем более что к этому времени, то есть к 1970 году, коллекция, считай, была уже неполной – не хватало пяти других номеров: 203, 204, 449 и 451. Наберись терпения, Джакомо, и дочитай до конца. Нам нужно выяснить, почему не хватает именно этих пяти книг.

№ 203. Чарльз Эрик Мэйн. «Морской вампир». 10 мая 1959 г. и № 204. Гордон Р. Диксон. «Человечество в бегах». 24 мая 1959 г.

На месте этих книг не было никаких записок, выходит, отец никому их не давал, а просто не купил. Разобравшись

в датах, я, кажется, понял причину. Ты помнишь, как тогда Ирена грохнулась с высокого стула? Нам рассказывали об этом тысячу раз: как Ирена падает с высокого стула на кухне старого дома на площади Далмации, ударяется затылком, два дня лежит в коме в больнице Мейера, как мама клянется, что бросит курить, если ребенок выздоровеет, Ирена выздоравливает, мама курить не бросает, Ирена полностью восстанавливается, но впоследствии этим падением объясняет все свои недуги... Мы-то с тобой тогда еще не родились, но все равно должны согласиться, что самым драматичным событием в нашей семье, вплоть до смерти Ирены, было это ее падение с высокого стула. До того драматичным, что папа – здесь-то и зарыта собака – два раза, то есть в течение 28 дней, не сумел купить двух новых томов из серии любимых романов. Сейчас уже никто не скажет, в какое время года это случилось, но если ты помнишь, история становилась еще драматичнее, потому что мама тогда носила меня. (Драматичным, если угодно, был и тот факт, что она не бросила курить, даже будучи на сносях.)

Я всегда представлял, как она ходит с огромным животом, а тут вдруг эта беда, ребенок падает со стула и теряет сознание, потом она везет ее на машине «Скорой помощи», потом сидит в больнице у ее кровати, хотя если допустить, что она была на втором месяце беременности, то все прекрасным образом сходится. Я родился 2 декабря, правильно? Это означает, что я был зачат в начале марта.

Две недостающие книги вышли в мае, что соответствует примерно второму-третьему месяцу беременности матери. Следовательно, никакого живота у нее еще не было, и это объясняет, почему папа не купил те две книги: Ирена лежала в реанимации, потом в реабилитации, потом ее выписали домой, потом, когда где-то через месяц опасность миновала, он снова стал покупать романы (№ 205. Роберт Рэндалл. «Рассветный свет». 7 июня 1959 г.), и дальше в течение последующих семи лет не пропустил ни одной книжки. И здесь мы с тобой подошли к трем другим недостающим выпускам, а именно:

№ 449. Томас М. Диш. «Содом и его окрестности». 20 ноября 1966 г., № 450. «Война идет всегда», авторский сборник (Вальтер Муди, Пол Андерсон, Роберт Э. Маргрофф, Пирс Энтони, Эндрю Дж. Оффутт), 4 декабря 1966 г., и № 451. Мак Рейнольдс. «И он проклял скандал» 18 декабря 1966 г.

Здесь все понятно: наводнение²¹, папа плывет на надувной лодке мэриш по затопленной равнине, спасает сперва животных, а затем вылавливает книги и «ангелов грязи»

²¹ Имеется в виду наводнение 3–6 ноября 1966 г. – самое разрушительное во Флоренции с 1557 г. В результате разлива реки Арно погибли 34 человека, 5000 семей остались без крова, было повреждено множество предметов искусства, испорчены или утеряны музейные коллекции картин, рукописей и редких книг из флорентийской Национальной библиотеки.

из Национальной библиотеки. Ты, естественно, спросишь, почему же он не смог купить эти три тома, если ухитрился купить номер № 448 – роман Джона Уиндема «Куколки». 6 ноября 1966 г., когда наводнение еще не спало и Флоренция буквально лежала под водой? И вот тут, дорогой Джакомо, чтобы это объяснить, мы должны перейти к доводам, согласно которым, по моему твердому убеждению, эти книги должны принадлежать тебе. Обнаружил я это совершенно случайно, и именно в этом ценность моей находки. Короче, дело было так. Когда я пробежал глазами по названиям книг, выстроившихся в безупречном порядке на полках сборного стеллажа «Серджесто», то наткнулся на название и автора, которые были мне известны и раньше: «Космический патруль» Роберта Энсона Хайнлайна. Хайнлайн – один из немногих фантастов, которых я читал, название показалось мне знакомым, я когда-то вроде бы видел фильм, снятый по ее мотивам. Вынул книгу, чтобы проверить, – оригинальное название действительно было *Starship Troopers*, по которой в конце девяностых был снят бездарный фильм, вышедший в итальянском прокате под тем же названием «Космический патруль». Но дело в том, что я увидел и кое-что еще на предыдущей странице, то есть на первой, как же она называется, та, что идет сразу после обложки, где повторяется имя автора, название и издательство, как же она называется? Где писатели ставят автографы? Титул, что ли? Сейчас проверим. Да, он самый,

титул, «начальная страница книги, – говорится в «Википедии», – эту страницу читатель видит, открыв обложку». Как раз она нам и нужна. Так вот, я говорил, что на титуле папиным почерком кое-что написано карандашом. Всего несколько строчек, привожу их полностью: «Здравствуйте, синьоры и синьоры! Хочу представить вам своего нового друга... или нет, скорее подругу... синьорина Джованна... или же синьор Джакомо, пока еще неизвестно... Внимание, акушерка... пока ее еще плохо видно... вот она наклоняется... Синьоры и синьоры, встречайте, синьор Джакомо!»

Разве не фантастика? Мама только что тебя родила, он был в роддоме, молодой, задыхающийся от счастья, курил в коридоре свои «Муратти» и записывал эти волнующие строчки на титуле книги из своей «Урании».

Вот поэтому, мне кажется, собрание должно стоять в твоём доме в Чанел-Хилле, который я видел со спутника на Google Earth.

Теперь мы с тобой приходим к пониманию того, как появился тот том от 6 ноября 1966 г.: когда на титуле я расшифровал надпись, сделанную папиным почерком, то закрыл книгу, застыл у полок и тупо уставился в пустоту (помнишь, кто так любил говорить?); потом очнулся, закрыл томик, и взгляд мой упал на красный квадратик внизу на обложке, там, где обычно стоит цена (150 лир), номер выпуска (276) и дата: 25 февраля 1962 г. Но ты же родился 12 февраля. Спрашивается, как у папы мог оказаться

ся номер, который должен был выйти только через тринадцать дней? Я совершенно запутался, и тут меня осенило. Я вспомнил, что когда занимался теннисом, у меня была годовая подписка на журнал Match Ball, выходивший раз в две недели, а журнал ко мне приходил намного раньше указанной на обложке даты, и поэтому я долгое время думал, что это бонус за годовую подписку, пока однажды с большим огорчением не выяснил, что и в газетных киосках журналы Match Ball продавались раньше даты, указанной на обложке. Обнаружив это, я заметил, что то же самое происходит и с другими журналами, доставляемыми по почте, – «Панорама», «Экспресс», «Неделя кроссвордов». Наверное, это был чисто психологический ход – создать у читателя впечатление новизны, чтобы он не подумал, будто читает устаревшие новости, когда в его руки попадет журнал, вышедший на четыре-пять или даже шесть дней раньше обозначенного срока. Хотя это и лишено глубокого смысла, но по каким-то причинам тот же психологический ход использовало издательство «Мондадори» для выпуска раз в две недели томиков «Урании», и значит, более чем вероятно, что дата на обложке соответствует последнему из тех четырнадцати дней, в течение которых журнал продается в киосках. Получается, роман, который папа захватил с собой в роддом, поскольку у мамы начались схватки 12 февраля 1962 г. (понедельник, я проверял по компьютеру), только что вышел из печати, но дата на нем указана с опережением.

ем на 13 дней; или же он просто купил его в газетном киоске роддома, когда маму увезли в палату.

Тем же объясняется и то, что у папы был номер от 6 ноября 1966 г., хотя в тот день он уже в течение двух суток плавал на резиновых лодках пожарной охраны и спасал животных с плотов, уносимых бурным течением: просто книга вышла из печати тринадцатую днями раньше.

После тех трех недостающих номеров за 1966 г. папа — что впечатляет, однако, — ни разу за 15 лет не пропустил ни единого нового выпуска, поскольку начиная с № 452 («На секретной службе», сборник рассказов Азимова, Такера, Ван Вогта, Мартино и Филипа К. Дика) его коллекция пополнялась непрерывно вплоть до 899-го номера, книги «Коммуна в 2000 году» Мака Рейнольдса, четыреста сорок семь выпусков без единого пропуска, которые он купил, обернул веленовой бумагой, прочитал, а потом поставил на книжную полку, в то время как цена их возрастала с 200 до 1500 лир, а тем временем в мире, в Италии, во Флоренции и в той же нашей семье, в частности, происходило что-то неладное.

Заключительный номер отцовской коллекции я оставил на месте, потому что, по-моему, он является символом последнего павшего бастиона. В данный момент он лежит передо мной: белая обложка с красным кругом по центру, внутри иллюстрация (парень и девушка в парке разговаривают со старшим товарищем, который сидит на скамейке, все трое в чем мать родила, на заднем плане бродят другие

голые люди), название: «Коммуна в 2000 году», автор: Мак Рейнольдс и напоследок дата: 23 августа 1981 г.

Но 23 августа 1981 года еще не наступил конец света. Однако этот номер, как мы видели, вышел на тринадцать дней раньше, то есть 10-го, когда конца света даже не предвиделось, и папа наверняка купил его накануне праздника Успения Богородицы, что отмечают 15 августа, в киоске Кастаньетто, где обычно покупал газеты, и, как всегда, прочитал за пару дней, то лежа на пляже, то отдыхая в постели, отвернувшись от мамы на правый бок в сторону тумбочки, поскольку в Больгери, куда мы все съезжались в августе, из-за тесноты они не могли спать в разных комнатах.

Но с понедельника 24 августа в киоски должен был поступить свежий номер (в Кастаньетто, наверное, нет, он бы туда поступил во вторник или среду), но это, как и все остальное, вдруг потеряло для отца значение. И на этот раз навсегда. Поэтому «Коммуна в 2000 году» Мака Рейнольдса – последняя книга «Урании», которую папа купил и прочел, – последняя в его (почти) полной коллекции, от № 1 до № 899, последнего выпуска в его жизни.

Ладно, Джакомо, я свалил всю вину на тебя, ты не представляешь, каково мне было. Но послушай, братишка, прошло тридцать лет. Я прошу у тебя прощения за все, что тогда наговорил, за то, что по моей милости жизнь в нашей семье на многие дни стала невыносимой, они проходили, сливались один с другим, но все равно были слишком близки к

той злополучной дате. Но ведь прошло уже тридцать лет. Мы были щенками, стали мужчинами. При всем желании мы не можем стать чужаками. Обычно братья ссорятся из-за наследства после смерти родителей: вот бы было здорово, если бы из-за наследства мы с тобой помирились. Во всяком случае, для нашей семьи, где все шиворот-навыворот.

Жду твоего ответа.

Марко.

Господине-е-е-е! (1974)

Было воскресенье, раннее утро, но площади Савонаролы нигде не было – она исчезла. Исчезли деревья; небо исчезло; исчезли машины, вокруг пустота. Как в фильме, который они с мамой смотрели под Рождество, – там спускается туман, и старичок теряется возле дома – здесь тоже спустился туман, и Марко Каррера, как тот старичок, тоже потерялся возле дома. Туман во Флоренции – явление редкое, а такой – вообще редчайшее. Даже своих ботинок не видно.

Было воскресенье, раннее утро, и был совершенно абсурдный день. Ограничение движения транспорта – Austerity²², как это назвали, – и одно это уже было форменным издевательством: год послушания родителям, год жизни без драк и без ссор с братом и сестрой, хорошие оценки в школе, проявления здравого смысла, рассудительность и толерантность – все, чтобы убедить родителей купить мотороллер «Веспа»²³, и вот пожалуйста, он одержал победу в день своего рождения, и именно в этот день вступил в силу закон, запрещающий ему ездить по воскресеньям. Но этого мало. Абсурдными были причины, по которым приняли этот закон: нефть и

²² Режим жесткой экономии, строгость (англ.).

²³ «Веспа» – культовый итальянский мотороллер. Производится концерном Piaggio с 1946 г. и до сих пор. Является родоначальником европейской конструкторской школы мотороллеров и первым успешным скутером в мире.

бензин стали отпускать по талонам – бац, ни с того ни с сего. То, что Марко Каррера слышал по телевизору, было лишено смысла. По его убеждению, чтобы дожить до нормированного распределения потребительских благ, необходимо пройти промежуточный этап, когда дефицит того или иного товара начинает ощущаться явно. А тогда все случилось с бухты-барахты: молниеносная война²⁴, решение стран ОПЕК сократить экспорт нефти, и поэтому всем следовало немедленно отключить рубильник. В течение месяца по ночам перестали зажигаться фонари, сократили время телевещания, дома запретили пользоваться обогревательными приборами – и никаких автомобилей по воскресеньям, включая мотороллеры «Веспа». Что ж получается, его цивилизацию ничего не стоит поставить на колени? И именно по достижении им четырнадцати лет, когда он стоит на пороге взрослого мира? Именно тогда, когда он перестал участвовать в соревнованиях по горным лыжам, чтобы по полной программе наслаждаться своей «Веспой» даже по воскресеньям и даже зимой, вместо тренировок в Абетоне, куда нужно было ездить и зимой, и весной каждые выходные, – тренировки и соревнования, тренировки и соревнования только для того, чтобы потом увидеть местных, летящих стрелой и показывающих двое-

²⁴ Молниеносная война, или война «Судного дня», Шестидневная война – четвертая арабо-израильская война, начавшаяся в день праздника Йом-Кипур 6 октября 1973 г. Проигравшие арабские страны – поставщики нефти применили меры экономического воздействия на союзников Израиля – ввели эмбарго на продажу нефти странам Западной Европы и повысили цену на сырую нефть втрое.

второе лучшее время?

Пешкодралом. Без разговоров. А в тот день был еще и туман.

Было воскресенье, раннее утро. Марко Каррера сделал несколько шагов и уже в нескольких метрах от дома испытал неуверенность, поскольку не мог сориентироваться в пространстве. Где он находится? На тротуаре или на проезжей части? Где находится его дом? Справа или слева? Спереди или сзади? Не слышно было даже шума машин, которые могли бы дать представление о месте, где он находился.

В половине девятого у него была назначена встреча на вокзале, откуда они с Пелледжеро, Верди и сестрами-близняшками Соллима должны были ехать в Лукку на финальные соревнования первого тосканского чемпионата в групповых играх в закрытых помещениях в возрастной категории «учеников», в сопровождении учителя и представителя руководства. (Это, кстати, еще одна причина, чтобы забросить лыжи: начиная с этого года, благодаря повсеместному переходу на мячи из вулканизированной резины можно было проводить теннисные турниры даже в зимнее время, а для Марко Карреры было гораздо важнее сосредоточиться на теннисе в течение всего года, нежели разбрасываться между теннисом и лыжами. Несмотря на то что его рост не увеличивался, в теннисе он с каждым годом становился сильнее, был метким и агрессивным, а это в совокупности с тем фактом, что противники недооценивали его из-за роста, в про-

шлом году позволило ему добиться потрясающих результатов. В лыжах не было психологии, стратегии, соперника, которого видишь на корте: там была только сила гравитации, и его рост – метр пятьдесят, а главное, вес – сорок восемь килограммов – были непреодолимым препятствием.)

Короче, было воскресенье, раннее утро, и все фонари на площади были погашены из-за строжайшего режима Austerity. Вокруг – ни души, только клубы тумана. Надо было дойти до улицы Джакомини и сесть на автобус до вокзала Санта-Мария-Новелла, но вдруг оказалось, что это непросто. В самом деле, где находится улица Джакомини? Обычно с другой стороны площади относительно его дома, вдоль бокового фасада церкви Святого Франциска, но опять же вопрос: где находится его дом? Где находится площадь? Где находится церковь?

Чудовищная авария произошла внезапно, как все аварии. За минуту до этого Марко Каррера потерялся в тумане, вокруг ни души, ни звуков, ни ориентиров, а минутой позже все уже случилось: рев мотора, удар, надрывно загудевший клаксон, который заклинило от столкновения, и даже первые крики. Все, казалось, произошло одновременно, без какой-либо хронологической последовательности. Впрочем, там, где нет пространства, там нет и времени, как говаривал дядюшка Альберт.

Первые крики состояли всего лишь из одного слова, которого Марко до сих пор не слышал.

– Господине-е-е-е!

Всего лишь одно слово, которого Марко никогда раньше не слышал, выпущенное в туман, словно сигнальная ракета. Оно как будто говорило (конечно, ему, Марко, потому что вокруг не было ни души): «На помощь! Мы здесь! Авария здесь!»

Здесь, но где?

– Господине-е-е-е!

В общем, Марко направился туда, откуда доносился крик. Он сделал пару шагов, и время, кажется, ожило: застрявший клаксон умолк. Скрежет железа. Другие непонятные слова, явно произнесенные мужчиной, – голос, что кричал «Господине-е-е-е!», был женским.

Вдруг из стены тумана возникла женщина, она была до ужаса близко. Цыганка. Лицо в крови и искажено криками «Господине-е-е-е!». Звуки мужского голоса тоже слышались где-то поблизости, но самого мужчины было не видно. Появился человек – старый цыган, у которого кровь стекала со лба на шею, – но это не он бормотал. Рядом с ним стоял «Форд Таурус», дверцы распахнуты настежь, из капота валит дым. Марко кое-как продвигался в этой молочной каше, не понимая, что ему делать, и не соображая, что же он ищет. Может, другую машину? Он искал другую машину? Может, у него было предчувствие? Может, он узнал ее по гудку?

– Господине-е-е-е!!

Вот она, другая машина. Врезалась в фонарь, практически

без носа. Похожа на «Пежо-504», машину его отца. Серый металлик – в точности как у него. И еще один цыган, молоде первого, с виду без телесных повреждений; это он открыл дверцу и что-то бурчал, пытаясь вытащить из машины человека. Человека без сознания, а возможно, и мертвого.

Похоже, это была девушка.

Похожая на Ирену, его сестру.

– Господине-е-е-е!!

Папа, я возьму твою машину? Ирена, не начинай. Но мне нужно съездить в Абетоне, потом в Больгери, потом на вечеринку в Импрунету, как я туда, по-твоему, доберусь? Попроси кого-нибудь подкинуть. Ни за что на свете! Ирена, у тебя нет еще водительских прав. Зато есть «розовая карточка». С ней ты не можешь ездить без сопровождения. Мои подруги ездят. А ты не будешь. Ну, папочка, перестань, клянусь, я буду осторожна. Нет. Боишься, меня остановят? Да. Ну, пожалуйста, папа! Ирена, я сказал нет. Я все равно возьму. Только попробуй...

Сколько раз за последние недели Марко слышал пререкания отца и Ирены. И сколько раз он вставал на сторону своей самой умной и самой беспокойной сестры – его полярной звезды, его эталона молодости и жизни, взбалмошной, вечно подавленной и озлобленной, с голубой жилкой, пульсирующей на виске, делавшей ее особой, ни на кого не похожей – благородной бунтаркой, высшим авторитетом. Сейчас она лежит на земле, куда ее уложил молодой цыган, пробовав-

ший ее реанимировать – в нарушение элементарных правил оказания экстренной помощи пострадавшим, но этого никто не видел. Он делал это с явным наслаждением: бледная, без видимых повреждений и без сознания. Ирена. Она умерла? – Господине-е-е-е!

Нет, она не умерла и даже не поцарапалась, только лишилась чувств, и Марко Каррера узнает об этом буквально через минуту. Но взгляд, который он не отводил от нее в продолжение этой минуты, был в точности тот же, которым он будет смотреть на нее в больничном морге через семь лет, в семь утра, в больнице городка Чичина: полный отчаяния, жалости, ярости, ужаса, бессилия и нежности. Взгляд, которым – он знал это каким-то таинственным образом – он должен будет ее окинуть, если правда то, что ему рассказывали, будто в ночь на святого Лаврентия, в Больгери, на том же пляже, где она погибнет, он – ему тогда еще и пяти не было – по совету мамы, маминой подруги, дочерей маминой подруги и самой Ирены – загадал желание, как только увидел падающую голубую звезду, не понимая даже смысла сказанных им в ту минуту слов: «Чтобы Ирена никогда *с собой не покончила*».

Ирена, его миф. Она не подпускала его к себе, как, впрочем, и других членов семейства, отчего уже в восемнадцать стала крестом, который им приходилось нести, не говоря уже о том, что она как будто сеяла вокруг себя всевозможные несчастья – падения, аварии, переломы, ссоры, депрессии,

наркотики, сеансы психотерапии, – складывавшиеся в терпеливое и обобщенное сострадание к ней, чувство, которое ее брату Марко – единственному человеку на свете – всегда было чуждо, поэтому он продолжал ее понимать, оправдывать, держать ее сторону и *любить*, несмотря на все ее многочисленные глупости. Если все их классифицировать, то в то туманное утро она совершила глупость номер один.

Через много лет после этой аварии, после множества других ее сумасбродств, включая суицид, через много лет после смерти его родителей и – страшно сказать – через много лет после смерти, как ни старайся, не выговорить... его дочери... вот, кажется, получилось; через много лет после всего, можно сказать, Марко Каррера, почти старик, почти одинокий, почти уже одной ногой в могиле, подчеркнет следующие слова в романе, который тогда лежал перед ним: «в нем была потерянная и кромешная мгла». Он думал о ней, об Ирене, которая не погибла в тот раз в тумане, как и во многих других случаях, когда могла бы погибнуть, но в конце концов все же погибла молодой – рано, слишком рано, увы.

Было воскресенье, раннее утро. *Господине* на сербо-хорватском означает: «О Господи».

Второе письмо о колибри (2005)

Марко Каррере
ул. Форначчи, 117/б
поселок Вилла Ле Сабине
57022 Кастаньетто-Кардуччи (Ливорно)
Италия

Кастеллорицо, 8 августа 2005 г.

Вообрази, что я говорю лето,
напиши на бумаге слово «колибри»,
заклей его в конверт,
отнеси к почтовому ящику, спустившись с косогора.
Когда ты откроешь письмо и прочтешь,
На память придут те дни, и ты поймешь, до чего
Я крепко-крепко тебя люблю.

Раймонд Карвер²⁵
Луиза.

²⁵ *Раймонд Карвер* (1938–1988) – американский поэт и новеллист, один из крупнейших мастеров англоязычной короткой прозы второй половины XX века.

Веревочка, маг, три трещины (1992–1995)

Никому не известно – а должно быть известно всем, – что судьба отношений между людьми решается в самом начале, в момент их зарождения, раз и навсегда, навечно, и чтобы знать заранее, чем они закончатся, достаточно взглянуть, с чего они начинались. Ибо в момент зарождения отношений происходит внезапное озарение, в котором можно даже увидеть их развитие, продолжительность, то, чем они станут и чем закончатся, – все вместе сразу. Это видно как раз потому, что все основное заключается в самом начале, как любая законченная форма, которая намечена уже в ее первом наброске. Но речь идет лишь о мгновении, после которого это озарение исчезает само либо вытесняется нами, и именно поэтому, говоря об истории отношений, люди впоследствии рассказывают о неожиданных поворотах, потерях, радостях или непредвиденной боли. Мы это знали, знали в краткий миг озарения, в самом начале, ну а потом, к сожалению, до конца своих дней забыли. Это похоже на то, когда просыпаясь среди ночи и, пошатываясь, ищешь путь в туалет, теряешься в темноте, на долю секунды включаешь свет и тут же его гасишь, но эта вспышка показывает нам дорогу до ванной и обратно. В следующий раз повторяется то же самое.

Когда у Адели, дочери Марко Карреры, примерно в три года впервые обнаружилось расстройство восприятия, в его глазах полыхнула эта яркая вспышка, и он увидел все разом, но это было совершенно невыносимо – напоминало почему-то об Ирене, – и он недолго думая вытеснил видение и продолжил жить дальше, словно ничего не было. Возможно, с помощью психоаналитика он мог бы восстановить миг прозрения, но так как вокруг него были лишь люди, которые без психоанализа не могли прожить, они внушили ему непреодолимое отвращение к последователям Фрейда. Так, во всяком случае, он сам говорил. Но психоаналитик наверняка бы изрек, что его отвращение было защитным механизмом вытеснения. Факт же состоит в том, что вытеснение случилось немедленно и было очень глубоким, настолько глубоким, что больше это видение не повторялось, даже после того, как все пошло, как пошло и как должно было пойти, – как на долю секунды Марко увидел, а потом больше нет, ни разу в жизни – до кончания его дней.

Учитывая возраст девочки, вполне можно сказать, что первое проявление ее психического расстройства совпало с началом ее отношений с отцом, до той поры весьма и весьма неопределенных, и определила это совпадение она сама, приняв, по всей вероятности, первое самостоятельное решение в жизни. Действительно, одним ясным воскресным утром в августе, пока Марко завтракал с ней вдвоем на кухне их дома в Больгери, а мама решила еще поваляться в посте-

ли, Адель Каррера сообщила ему, что из ее спины растет веревочка. Несмотря на свой возраст, она объяснила все очень толково: веревочка шла от ее спины, чтобы прикрепиться к ближайшей стенке. По каким-то неясным причинам веревочка была невидимой, и поэтому Адель всегда должна была стоять, прислонившись к стенке, чтобы люди в ней не запутались или не споткнулись. А если ты не можешь прислониться к стене? – спросил у нее Марко. Адель ответила, что в таких случаях ей приходится быть крайне осмотрительной, и если кто-то проходит у нее за спиной и путается в веревке, она должна обойти вокруг него и распутать, и показала Марку, как это делается. Марко продолжил задавать ей вопросы. А такая веревочка есть у всех или только у нее? Только у нее. А ей не кажется это странным? Да, ей это кажется странным. Ей кажется странным, что только у нее есть веревочка или что у других ее нет? Ей кажется странным, что у других ее нет. А как она поступает дома или в церкви? С мамой, с ним? Но ты, ответила ему девочка, *никогда* не проходишь у меня за спиной. Именно в эту минуту столь неожиданного откровения – он никогда не проходит за спиной своей дочери – у Марко Карреры пробежал мороз по коже, и с этой минуты начались его отношения с дочерью. Именно в этот момент он все увидел, узнал и испугался, а потом сразу же все забыл: то, что видел, то, что узнал, и то, чего испугался.

До конца того лета эта веревочка была их секретом. На самом деле Марко сразу рассказал обо всем Марине, взяв

с нее обещание ничего не говорить малышке, поскольку та просила никому не рассказывать. Марина тем августом старалась не ходить за спиной дочурки – ни дома, ни в саду, ни на пляже, – однако без больших успехов, поскольку вспоминала об этом, когда было уже поздно. В этих случаях она наблюдала, как малышка обходит ее спереди в противоположном направлении, чтобы бережно и аккуратно выпутать ее из трудной ситуации, – и умилялась. Потом наблюдала за непосвященными бабушкой и дедушкой, которые *всегда* проходили за спиной ребенка как будто нарочно, и за малышкой, точно так же обходившей их в обратном направлении с той же тщательностью и аккуратностью, и вновь умилялась. Потом наблюдала за только что установившимися отношениями между дочерью и отцом, восхищаясь его инстинктивным умением не проходить никогда – что правда, то правда, – *никогда* у нее за спиной, и опять умилялась. Марко смотрел, как она умиляется, и умилялся тоже. Для обоих это было лето полного умиления. Обеспокоиться не пришло в голову ни одному.

С сентября девочка должна была пойти в детский сад, Марко воспользовался случаем и убедил ее в необходимости рассказать о веревочке маме. Адель повторила ей на кухне то же самое, о чем пару месяцев назад рассказала ему. Марина опять умилилась. Она тоже задала дочурке пару вопросов, но это были не такие вопросы, которые задавал ей папа, – более практичные и не столь романтические – и поэтому более труд-

ные для ребенка: когда она заметила у себя веревочку? Из чего веревочка сделана? Могла ли она порваться? Из путанных объяснений дочери Марко и Марина поняли, что мысль о веревочке за спиной пришла ей в голову, когда они вместе с ней смотрели по телевизору соревнования по фехтованию на Олимпийских играх в Барселоне: Триллини²⁶, женская команда рапиристок, провод, прикрепленный к спине, передающий на дисплей рефери сигнал об уколах соперниц, потом победа, золотые медали, триумф, маски роботов, из которых вдруг появлялись лица девушек, их улыбки, волосы – все это, как они поняли, произвело сильнейшее впечатление на ребенка. И никакого беспокойства в связи с этим они снова не испытали.

Велели дочке не говорить об этом воспитательницам в детском саду, во всяком случае, если ничего не случится. Ничего и не случилось. Детский сад был маленький, помещался в обычной квартире в проезде Кьярини, вблизи пирамиды Цестия, где можно было сколько угодно простоять у стены, не привлекая к себе внимания. Проблемы Адели были такие же, как и у всех детишек, – расставание с родителями, адаптация, новые привычки. Веревочки никто не заметил. Впрочем, Адель вела себя очень спокойно, когда кто-то проходил у нее за спиной: освобождая этого человека, взрос-

²⁶ Имеется в виду Джованна Триллини – итальянская рапиристка, выигравшая рекордное число золотых олимпийских медалей (четыре) в личном и командном первенстве, девятикратная чемпионка мира. Первую золотую медаль выиграла на Олимпийских играх в Барселоне в 1992 г.

лого или ребенка, она обходила его в обратную сторону так осторожно, что никто ничего не замечал. А дома папа и мама играли с ней в веревочку. Марко перепрыгивал через нее как через скакалку либо запутывался и падал. Марина развешивала на ней свежестыранное белье. В течение всего того года – он оказался счастливым – родители ничуть не беспокоились. И в следующем году все шло как по маслу, не считая одного случая, когда детский сад выехал на экскурсию в Маккаресе²⁷, на сельскохозяйственную ферму, и Адель отказалась выходить из автобуса. Обычно она не испытывала проблем на открытом воздухе, как-то умела справляться со своей веревочкой, но тут заупрямилась, и одной из двух воспитательниц пришлось на время экскурсии остаться с ней в автобусе. Когда Марина приехала забрать дочь и ей сообщили о произошедшем, она сразу же поняла причину того, что воспитательницы называли капризом, но тогда она очень спешила и не сочла уместным рассказывать им историю про веревочку. В машине она все же спросила у дочери, было ли ее решение не выходить из автобуса связано с веревочкой, и девочка ответила, что да: в том месте было много животных, а с веревочкой и с животными очень опасно. Все это она пояснила крайне спокойно и рассудительно, что свидетельствовало о ее осторожности, и Марина в очередной раз умилилась. Вечером она рассказала об этом Марко, и он то-

²⁷ Городок в сельской местности, расположенной в области Лацио, вблизи Фьюмичино.

же умилился. Родители стали играть с ней в веревочку. Причин для беспокойства не было.

Поменяли квартиру, а после летних каникул и детский садик. Он был расположен не близко, а как раз наоборот – за районом Тор-Маранча на улице Тор-Карбоне, между Аппиевой и Ардеатинской дорогами, практически в деревне, но был намного лучше и красивей, воздух чище, размещался в бывшей вилле Анны Маньяни – так, во всяком случае, считала Марина. По мнению Марко, это бессмысленно усложняло их жизнь (вечно нужно было что-то менять, улучшать, расширяться, непрерывно расти), новый детский сад находился у черта на куличках, воздух все равно вонючий, и стоило это гораздо дороже. Возобладало мнение Марины, поскольку она бралась отвозить девочку в детский садик и привозить обратно *ежедневно*, – и это была первая серьезная трещина в их отношениях, кровоточащая рана на гладкой, ничем еще не поврежденной поверхности их брака, ибо понятно, что возить ее ежедневно Марина как раз и не могла, поэтому Марко приходилось проводить три четверти часа в безумных пробках, чтобы отвезти ребенка в садик или привезти обратно, отсюда разногласия и взаимные упреки: она инкриминировала Марко, что тот не уделяет внимания дому и несколько ей не помогает, а он – что она не соблюдает условия их договора. В придачу в новом детском саду немедленно вскрылась проблема Адели. Девочка не захотела туда ходить. Когда за ней приезжали, она стояла одна-одинешенька в уг-

лу и горько рыдала. Марко интерпретировал это как доказательство того, что он был прав, менять садик было ошибкой, ребенок страдал из-за отрыва от прежней среды, из-за отсутствия знакомых воспитательниц, подружек и так далее, но Марина при нем спросила у девочки, правда ли, что ей так плохо в детском садике из-за веревочки, и дочь ответила «да», но ничего больше не добавила. Не успели они записаться на прием к директрисе, как та сама вызвала их на беседу. Не дав возможности директрисе объяснить им причину приглашения, они сами рассказали ей о веревочке. Директриса пришла в негодование. Она была возмущена, что от нее скрыли столь серьезную проблему, а когда Марко и Марина попытались ее заверить, что все это лишь какая-то ерунда, тем самым доказав, насколько халатно и безответственно в течение двух лет они относились к серьезной проблеме, она задала им хорошую головоломку. Директриса заявила, что речь идет о болезни, о более чем очевидном расстройстве восприятия галлюцинаторно-бредовой этиологии, которую надо лечить, а не пестовать, как делали они. Она дипломированный специалист в области детской психологии, сказала она, и знает, что говорит. Директриса назвала безголовым родителям имя специалиста, с которым нужно связаться, и как можно быстрее. Так в жизни дочери Марко Карреры впервые появился психотерапевт, доктор Ночетти. Это был своего рода мужчина-ребенок неопределенного возраста, с понурыми старческими плечами и седыми, пепельны-

ми, слабыми и редкими волосами, с живыми глазами ребенка и на удивление гладкой кожей. У него на шее висели очки на тесемке, которыми он не пользовался. И хотя было ясно, что перед ними человек с высоким уровнем интеллекта, в его способе рассуждения Марко не улавливал ничего общего с собственным: казалось, будто доктор жил в другом мире, читал исключительно те книги, о которых Марко никогда не слышал, смотрел фильмы, которые Марко никогда не видел, слушал музыку, которую Марко никогда слышал, и наоборот. При таких условиях не представлялось возможным установить с ним какие-либо иные отношения, кроме тех, которые устанавливались сами по себе, и это облегчало дело. Конечно, при полном неприятии психотерапевтов, характерном для Марко, чтобы доверить этому человеку дочурку, Марко пришлось приложить немало усилий. Прежде всего потребовалось поверить директрисе сада, которая направила их сюда, дипломам и аттестатам, развешенным на стене кабинета доктора Ночетти, расположенного на улице Колли-делла-Фарнезина (спрашивается, как туда добраться на машине), и главное, поверить в интуицию Марины, которая сразу же заявила, что совершенно уверена в этом до крайности странном человеке. Но когда Марко приложил усилия и поверил, ситуация упростилась: они стали возить Адель на сеансы в его кабинет два раза в неделю (Марина почти всегда, Марко почти никогда), и чувство, которое они испытывали перед директрисой детского сада – стыд за собственную

глупость и безответственность, — стало понемногу исчезать.

Тем не менее в первые месяцы Адель не изменила своего отношения к садику, и поездка туда по утрам была настоящей трагедией; но девочка с большим удовольствием ездила два раза в неделю на сеансы с магом Манфротто — так доктор Ночетти велел называть себя своим маленьким пациентам (вот тоже: что это за имя? Где он его выкопал?); и когда дома с величайшими предосторожностями ее спрашивали, чем они занимаются с магом Манфротто, запершись в кабинете на целые пятьдесят минут, Адель, не задумываясь, отвечала: «Играем». Больше она ничего не добавляла и не уточняла, в какие именно игры они играют. Незадолго до Рождества Марко и Марину попросили зайти в кабинет на улице Колли-делла-Фарнезина — обоих, было подчеркнуто, и без ребенка. Отметая полностью теорию фехтования на Олимпийских играх и не давая объяснений, на чем построено его собственное заключение, доктор Ночетти проинформировал их, что, по его мнению, эта веревочка привязывала Адель не к стенкам, как она сама говорила, а к папе: она создала особую тесную связь с отцом, вероятно, в силу того, что боялась его лишиться.

Хоть и неожиданно, но эта интерпретация веревочки Адели показалась им обоим довольно здравой, и вместо того, чтобы возразить или попросить объяснить подробнее, Марко и Марина задали доктору одновременно один и тот же вопрос: так что же теперь? А теперь, не моргнув глазом отве-

чал маг Манфротто, будет гораздо лучше, если Адель будет проводить гораздо больше времени с отцом. По возможности как можно больше. Идеальным было бы, добавил он, если бы ребенок проводил меньше времени с матерью и больше с отцом. По возможности как можно больше, снова повторил он. Еще бы, конечно, возможно, Марко был счастлив, когда оставался с дочерью, но это означало, что они должны были провести революцию в своей семье и в своих отношениях; в самом деле, их семья была устроена по старинке: отец играет меньшую роль в жизни ребенка по сравнению с матерью. И хотя все что угодно можно было сказать по этому поводу, кроме того, что такую модель жизненного уклада Марко позаимствовал у своей семьи, она, надо признать, для него как для мужчины была весьма удобной: не надо было размениваться по мелочам, он имел больше времени для реализации своих многочисленных интересов, и, наконец, эта модель предусматривает, что посуду всегда моет Марина. Но чего не сделаешь ради дочери? Если надо, расшибешься в лепешку.

Итак, они действительно устроили революцию в своей жизни. Марко смирился и два раза в день проводил по три четверти часа в машине, добираясь до улицы Тор-Карбоне – без стенаний, поскольку речь шла о пользе Адели, – и занимался теми ее делами, которыми до сих пор занималась мать. Он стал проводить больше времени дома, решительно сократил количество своих хобби (фотография, теннис, по-

кер), а также пересмотрел свое рабочее расписание специалиста-офтальмолога, отказавшись от научных симпозиумов и конференций и от нескольких лестных предложений, но, к своему удивлению, не воспринял это как жертву, а напротив, почувствовал, что живет гораздо лучше, чем прежде. В жизни Марины, лишившейся всех этих мелких забот и проблем, наоборот, разверзлась глубокая пропасть, и стоит заметить, что к этой революции она была подготовлена меньше, поскольку впервые в жизни у нее появилась бездна свободного времени, а свободное время – коварная вещь для таких, как она, людей неустойчивых. И это, безусловно, предопределило вторую трещину в их отношениях, ибо истина, что праздные руки (если слегка перевернуть народную поговорку) – пособники дьявола, во всяком случае, для этой истории как нельзя справедлива. Но пагубные последствия для их союза проявятся еще не скоро: пока нас интересует то, что случилось с веревочкой Адели, а случилось с ней то, что она исчезла.

Случилось то, что, перейдя от роли родителя, возвращающегося домой около восьми вечера, к роли того, кто постоянно занимается девочкой, то есть того, кто участвует в автомобильных родео, чтобы отвезти ее в сад, к магу Манфротто, к педиатру и так далее, того, кто покупает ей одежду, моет в ванне и готовит еду, Марко понял, что обладает решающим словом в выборе ее занятий. Он решил, например, отдать ее на следующий год в первый класс обыч-

ной школы, находящейся по соседству с домом, школы имени Витторино да Фельтре, расположенной на одноименной улице в квартале Монти, и Марина была вынуждена согласиться с его решением, несмотря на то что ей это не нравилось (она выступала за частную школу), точно так же как Марко в свое время был вынужден согласиться на детский сад в конце Ардеатинской дороги, несмотря на то что сначала возражал жене. Уход за ребенком гарантировал власть — это главное открытие, и, находясь при исполнении своих обязанностей, Марко Каррера окончательно прозрел, когда решил записать ребенка в секцию фехтования. Подумал и сделал это одним январским коротким и мутно-молочным днем: пробное занятие, и вперед, без предварительных обсуждений с женой: записал дочь в секцию фехтования и стал возить два раза в неделю на тренировки, поставив Марину перед свершившимся фактом. Впрочем, что в этом плохого? Даже если бы его мысль оказалась ошибочной, что плохого в том, что девочка немного займется спортом? Но решение оказалось правильным, оно сработало, и веревочка почти сразу исчезла. Правда, детям не давали электрифицированную экипировку, поэтому она не пропала, ведь Адель действительно ее чувствовала, чего Марко больше всего опасался; но маски они надевали, и, начиная с первых занятий, Адель столкнулась с миром масок, гнущихся шпаг, молниеносных ударов и выброса адреналина, из которого, как они поняли в свое время, и произрастала веревочка. Итак, фех-

тование, тот вид спорта, о котором Марко понятия не имел, решило проблему веревочки за спиной его дочери, и решило радикальным образом, которым решаются все детские проблемы – если вообще решаются, – то есть как будто их и не бывало. Не говоря никому ни слова, Адель в один прекрасный день перестала обходить людей, когда они проскальзывали за ее спиной. Кончено. Дома девочка перестала о ней говорить. Кончено. Перестала капризничать, не желая идти в детский сад, и в детском саду перестала стоять в уголке и горько плакать. Кончено.

Однако, к большому удивлению Марко, маг Манфротто не вычеркнул ни одной запятой из своей теории веревочки: по его словам, фехтование тут ни при чем, веревочка исчезла, поскольку в ней отпала необходимость благодаря постоянному присутствию отца в жизни девочки. Марина также заявила, вопреки своему недавнему согласию с теорией фехтования Марко, что она разделяет мнение доктора: то, что веревочка исчезла, когда девочка стала посещать спортивный зал, было чистым совпадением. Ладно, в конце концов, вопрос с веревочкой на спине ребенка был решен положительным образом и как раз вовремя, то есть до того, как Адель начала посещать первый класс начальной школы, где все могло только осложниться; и это, безусловно, было успехом и большим облегчением для всех, но его моральную цену – вопрос заключается в этом – заплатил один только Марко, поскольку дело ушло в архив согласно одной-единствен-

ной версии, которая гласила, что веревка появилась потому, что он мало времени проводил с дочкой (то есть все произошло по его вине), и исчезла не потому, что он отвозил малышку в фантастический мир, из которого она возникла (то есть и тут нет никакой его заслуги), а только благодаря интуиции доктора Ночетти. Ладно, подумал Марко Каррера, это неправда, но с этой версией можно согласиться. Ничего не стоит принести себя в жертву. Дело в конечном счете касалось лишь нескольких человек (его жены, доктора Ночетти, директрисы детского сада и его самого), и оставлять спорный вопрос открытым не имело смысла. Поэтому он не стал возражать и отблагодарил мага Манфротто. Ради всеобщего согласия. Ради здоровья ребенка. Ну что вы, какие обиды.

И это привело к появлению третьей трещины.

Несравненные (2008)

Кому: Джакомо – jackcarr62@yahoo.com

Отправлено – Gmail – 12 декабря 2008 г. 23:31

Тема: Несравненные

От: Марко Карреры

*В сегодняшнем письме хочу рассказать тебе, дорогой бра-
тишка, как я пристроил три макета папиных поездов. Ска-
жу прямо, это было непросто, но все-таки я преуспел. Без
проблем удалось пристроить его архитектурные макеты:
модель Индийского моста²⁸, которую подарили ему разра-
ботчики после того, как выиграли конкурс, я подарил ин-
женерному факультету, где его установили в актовом за-
ле. Макет виллы Мансутти в Пунта-Але²⁹ я отнес Титти,
жене Альдино, которая жива и в здравом уме. Я ее не ви-
дел, по-моему, лет тридцать-сорок, и хотя они давным-дав-
но продали свою виллу, она взяла ее макет, растрогалась
и даже поблагодарила. Большой макет купола Брунеллески,*

²⁸ Имеется в виду мост во Флоренции, возведенный в 1972–1978 гг. через ре-
ку Арно вблизи памятника Раджараму Чатрапати – правителю индийского госу-
дарства маратхов, внезапно скончавшемуся во Флоренции в возрасте 21 года в
1870 г.

²⁹ Знаменитое место элитного отдыха и летних резиденций, расположенное на
северных склонах одноименного мыса в Тоскане на Тирренском море.

а не тот маленький, который папа уж не знаю кому подарил, большой купол, ты должен его помнить, поскольку тебе однажды влетело за то, что ты играл в нем в солдатики, я отнес во Флорентийскую коллегию инженеров в качестве подарка, от которого они обалдели. Взамен я попросил у них не присылать мне уведомлений и напоминаний об уплате ежегодных членских взносов. Макет знаменитой незаконной пристройки в Больгери я оставил себе, хотя он не такой уж и красивый. Ну и потом еще кукольный дом над водопадом, который папа сделал для Ирены, точная копия с Райта

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.